

Александр Михайловский
Александр Харников
В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Михайловский
**В царствование императора
Николая Павловича**

«АСТ»

2015

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михайловский А. Б.

В царствование императора Николая Павловича /
А. Б. Михайловский — «АСТ», 2015 — (Военная фантастика
(АСТ))

ISBN 978-5-17-094627-3

Что мы знаем о царствовании императора Николая Первого? Чаще всего – лишь то, что сей монарх подавил восстание декабристов и тиранствовал, как над своими подданными, так и над всей Европой. Изобретатель из XXI века построил машину времени, с помощью которой он и его друзья сумели попасть в 1840 год – середину царствования императора Николая Первого. Они с удивлением поняли, что их знания не совпадают с тем, что они почерпнули из советских учебников истории. И что люди, жившие в те времена, были совсем не похожи на жертв «тирана и деспота», правившего в те годы в России. В свою очередь, люди XIX века были очень удивлены нравами и обычаями наших современников. Любовь и ненависть, дружба и предательство – эти чувства стали результатом встречи прошлого с будущим.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-094627-3

© Михайловский А. Б., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Кот – первопроходец	11
Мальбрук в поход собрался	15
В 1840 году в России, и не только	19
Колдуй баба, колдуй дед...	21
Береженого и Бог бережет	23
«Он сказал: “Поехали!”...»	27
Гости из будущего	30
«Уважаемые товарищи потомки...»	33
Вернуться и остаться	38
Муж да жена – одна сатана	41
Глава 2	44
Что бы мы делали без армии...	44
Цели определены. Задачи поставлены. За работу, товарищи!	47
Шерше ля фам!	50
Давайте дружить семьями	53
Княжеский круиз	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Андрей Михайловский,
Александр Харников
В царствование императора
Николая Павловича**

*Авторы благодарят за помощь и поддержку Юрия Жукова и
Макса Д (он же Road Warrior)*

© Михайловский А., Харников А., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1

В прошлое – через замочную скважину

Началась эта невероятная история с того, что Антон Воронин изобрел машину времени. Самую настоящую машину времени, с помощью которой можно было путешествовать из одного века в другой. Вот так, ни больше ни меньше.

Впрочем, свое изобретение, которое потянуло бы на несколько Нобелевских премий, Антон сделал на основе результата коллективного творчества. Разработки чего-то подобного давно уже велись в одном из закрытых питерских НИИ. Начались они еще в светлые годы советской власти, когда на такие вот не совсем понятные с точки зрения конечного результата исследования заинтересованные ведомства, чаще всего с грозными трехбуквенными аббревиатурами, щедрой рукой сыпали деньги из государственной казны.

Конкретно в этом НИИ работа шла ни шатко ни валко лет пять. А потом наступили суровые перестроечные и постперестроечные времена, когда финансирование перекрыли вовсе. Все, что удалось сделать, от греха подальше засунули в кладовку, после чего начальник 1-го отдела лично опечатал дверь кладовки большой мастичной печатью. Самое обидное заключалось в том, что все это произошло именно тогда, когда у группы, в которой трудился Антон Воронин, что-то начало вырисовываться.

Ну, а дальше пошли тощие и безденежные годы вялого полусуществования, когда сотрудники группы зарабатывали на жизнь монтажом спутниковых антенн и автомобильной сигнализации. Грех жаловаться, на подобных халтурах Антон зарабатывал неплохо. Во всяком случае, пустые бутылки и пивные банки по урнам не собирал и секунд-хэндом на рынках не приторговывал. Но все же, устанавливая сигнализацию на очередной «мерин» какого-нибудь прибалтийского амбала в малиновом пиджаке, с ностальгией вспоминал годы, когда занимался интересным для себя делом, мечтая совершить открытие, которое обессмертит его имя.

В начале нового тысячелетия, когда появилась новая мода на «оптимизацию производства», его НИИ окончательно пал под натиском рыночных отношений. Антона сократили, как и всех сослуживцев, объявив о закрытии конторы, которой они отдали столько лет.

Ликвидация НИИ прошла быстро и как-то безалаберно: нечто среднее между картиной Брюллова «Последний день Помпеи» и дележом добычи пиратами с острова Тортуга. Команде нового министра обороны, по кличке Фельдмбель, нужно было только «капитальное здание постройки третьей четверти XIX века в относительно хорошем состоянии». Вследствие этого, внимание 1-го отдела ослабло, и сотрудники смогли беспрепятственно «приватизировать» все, что плохо лежало.

Куркулистый Антон, естественно, не остался в стороне. Его интересовали не материальные ценности, а документы и опытные образцы. Он утащил домой почти доработанный блок, который мог со временем стать машиной времени, и толстую картонную папку с грифом «сов. секретно». Зачем он это сделал – сам не знал. Скорее всего, по старой советской привычке, вспомнив крылатое выражение «Тащи с работы каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость».

Ну, а дальше, окончательно став на неверный и полный опасностей путь частного предпринимательства, Антон занялся коммерцией. Сперва у него появилась небольшая фирмочка, состоящая из него самого и секретарши. Фирма занималась установкой автомобильной сигнализации, ремонтом компьютеров и изгнанием из них вредоносных вирусов. Дела шли неплохо, скоро появилась постоянная клиентура. Со временем Антон поднакопил денежек, расширил свой бизнес, купил хорошую трехкомнатную квартиру и машину-иномарку.

Но, занимаясь делами фирмы, количество сотрудников которой выросло до пяти, не забывал и об увлечении своей молодости. По вечерам Антон доставал из сейфа заветную папку

с грозным грифом на обложке, перечитывал хранившиеся в ней документы, разглядывал чертежи и расчеты. По своим коммерческим каналам он заказывал необходимые для продолжения работы над машиной времени приборы и комплектующие.

И вот, лет через пять такой надомной работы, настал момент, когда Антон понял вдруг, что ему удалось создать нечто работоспособное.

Правда, эта машина времени меньше всего напоминала прибор, с помощью которого инженер Тимофеев отправлял в XVI век управдома Буншу и жулика Милославского. Она скорее была похожа на пульт управления воздушного транспортного средства 50-х годов прошлого столетия. На стенде рядом с двумя жидкокристаллическими мониторами были установлены датчики, тумблеры и прочие рубильники. Конструкция, скажем честно, внешне не впечатляла, но Антон считал, что для первого раза и этого будет вполне достаточно. Ну, а если машина заработает, то можно потом сварганить что-то более презентабельное.

День первого опытного запуска машины стал для Антона настоящим праздником. Еще и еще раз проверив все параметры своего детища, он с бьющимся сердцем нажал на кнопку «пуск» и, дождавшись полного включения системы, повернул ручку, запускающую контур, создающий пробой во времени.

Все произошло до безобразия спокойно и буднично. В центре комнаты в воздухе появилась мерцающая голубоватая точка, которая медленно разрасталась, пока не стала размером с куриное яйцо. Из этого отверстия ударил луч яркого света, осветивший комнату, погруженную в вечерний полумрак.

С дрожжами от волнения руками изобретатель подошел к пульсирующему сгустку энергии. Тот неподвижно парил в воздухе, словно подвешенный на невидимых нитях. Антон осторожно заглянул в отверстие и был удивлен – нет, ошеломлен! – увиденной им картиной. Отверстие оказалось своего рода замочной скважиной, с помощью которой можно было заглянуть в прошлое.

Глазам Антона предстал кусочек старой петербургской улицы, какой ее изображали на своих картинах художники середины XIX века. Вот мимо прошла девушка с пышной юбкой, смешным чепчиком и осиной талией. С ней раскланялся какой-то франт в сером сюртуке и цилиндре. Вот проехала пыльная карета, запряженная четверкой лошадей. Вот прошло несколько мастеровых в картузах и передниках, о чем-то оживленно беседующих.

Сердце у Антона бухало в груди, словно кузнечный молот. На подгибающихся ногах он словно пьяный добрал до дивана и плюхнулся на него.

«Сбылась мечта всей моей жизни», – меланхолично подумал Антон. Потом, решив, что на сегодня хватит, счастливый изобретатель подошел к продолжающей работать машине времени, свернул «окно в прошлое» и, дождавшись исчезновения изумрудной точки, осторожно выключил агрегат.

«Вот так, тихо и незаметно, и произошло открытие мирового масштаба, – с легкой грустью подумал он. – И самое противное во всем случившемся, что рассказывать кому-либо об изобретении не хочется никому».

* * *

На следующий день Антон, словно кот у миски со сметаной, долго бродил вокруг машины времени, борясь с искушением повторить свою экскурсию в прошлое. Но он, хоть и с большим трудом, но все же поборол нетерпение и стал ломать голову – что же ему делать дальше? Подглядывание за обитателями Петербурга времен царствования императора Николая I, конечно, вещь весьма занятная. Но ему захотелось большего. Захотелось самому побывать в прошлом, чтобы окончательно удостовериться в том, что переместиться в прошлое и вернуться – вещь вполне реальная.

Размышления Антона прервало хрипкое курлыканье мобильного телефона. На дисплее высветилось: «Шурик». Это был старый школьный друг Антона. Впрочем, в его возрасте все школьные друзья – старые, и даже очень.

«Какой сегодня день недели? – со скрипом пошевелил извилинами Антон. – Вроде бы пятница... Вот засада – чуть не забыл! Ведь на субботу у нас назначен “банно-рюмочный” день. Ой, блин, совсем я заработался... Фанатик науки хренов!»

Антон тряхнул головой и нажал на мобильнике кнопку с зеленой трубкой.

– Слушаю вас, гражданин начальник, – сказал он своему бывшему однокласснику голосом рецидивиста, пойманного с поличным на месте преступления. Дело в том, что Александр Шумилин был пенсионером МВД, и Антон не упускал случая подколоть его, напомнив о прежнем месте службы.

– Алло, Тоха, привет! Надеюсь, ты не забыл, что завтра суббота? – слегка хрипловатым голосом сказал Александр.

– Не, Шурик, я помню это, как таблицу логарифмов. – Антон вздохнул и потянулся в кресле. – Буду обязательно. С тебя веник, с меня – коньяк.

Александр рассмеялся.

– Ну, веник, допустим, у меня для тебя уже давно припасен, а вот коньяк... Ты что, Тоха, решил отправиться в запой?

– Поверь, Шурик, у меня для этого есть вполне законный повод, – напустил туману Антон. – Приеду, обязательно расскажу. Обещаю, что ты от удивления рот раскроешь.

– Ну, если так... – протянул Александр. – Кстати, завтра на помывку телес приедет наш великий эскулап и маг-целитель Леха. У него вроде со временем стало полегче, и он решил предаться вместе с нами сибаритству, обжорству и разврату. Наш медикус обещал сегодня вечером замариновать барашка, так что завтра будем вкушать его фирменные шашлыки.

– Это хорошо, – вздохнул Антон. – Я Леху сто лет не видел. Все дела да дела... А встретиться со старым другом времени как-то все не хватало. Я думаю, что и ему тоже будет интересно услышать мои новости.

– Ну, пока, до завтра, – сказал Александр.

– Пока, жди... – ответил Антон и сбросил соединение. Положив мобильник на стол, он задумался.

В школе он, Александр и Алексей были лучшими друзьями, что называется – не разлей вода. Одноклассники за это дали им прозвище Три А. Позднее, когда в советских газетах начали печатать жуткие рассказы о китайской мафии, какой-то острослов переименовал их прозвище, и друзей стали называть ТриАдой.

Конечно же, к этнической организованной преступности с восточным колоритом они не имели никакого отношения. Но так уж получалось, что почти все школьные шалости не обходились без их участия, за что им часто влетало от педагогов и родителей.

Окончив школу, каждый из друзей пошел по избранной им дороге. Антон поступил в ЛЭТИ, Александр после армии – в школу милиции, а Алексей – в Первый Медицинский институт. Виделись друзья редко, учеба, работа, а потом и семья отнимали практически все время. Но каждая встреча была для них праздником.

Ну, и естественно, когда нужна была помощь, ее оказывали старые друзья. Антон выручал, когда требовалось разобраться с электроникой, Александр помогал разгребать вопросы, связанные с правоохранительными органами и криминалом, а Алексей – решал все их проблемы по линии здравоохранения. Так шел год за годом.

Отслужив в органах положенные четверть века, Александр вышел на пенсию и занялся журналистикой. Дело в том, что он еще во время службы в милиции попробовал себя в качестве репортера. Писать было о чем – каждый выезд на место происшествия это готовый сюжет для газетной публикации. Со временем Александра стали печатать в солидных газетах. Во избе-

жание неприятностей со стороны начальства, которое не жаловало представителей СМИ, свои материалы он подписывал псевдонимом. А выйдя на заслуженный отдых, Александр стал публиковать криминальную хронику уже под своим именем. Старые связи в уголовном розыске и следствии у него остались. Его приятели-опера время от времени скидывали ему информацию, которая не проходила в официальных сводках пресс-службы ГУВД. За это его ценили в изданиях разной степени желтизны, и материалы бывшего мента шли на ура.

По наследству от бездетной тетки ему досталась небольшая дача в «цыганской столице» Ленинградской области – поселке Пери. Александр отремонтировал старый домик, построил на участке баню, и с апреля по сентябрь жил на даче, отдыхая от шумного города, жары и духоты.

Старые школьные друзья время от времени навещали его. Александр к их приезду готовил веники, таскал воду, топил баню. Одноклассники, напарившись от души, споласкивались холодной водичкой, а потом с наслаждением отдыхали на веранде дачного дома, потягивая пивко или что покрепче. Все зависело от настроения. Ну, и рассказывали друг другу о своих делах и проблемах.

Так было и в этот раз. Попросив сына соседа, отставного военного, чей дачный участок граничил с Шумилиным, бывшего десантника Николая, пожарить шашлики, друзья отправились в парную. Там они долго и с удовольствием стегали свои бледные городские тушки душистыми березовыми вениками. Естественно, были и перерывы, когда красные как раки они вываливались в клубы пара в предбанник и там переводили дух, попивая заваренный в термосе духовитый травяной настой.

Наконец, когда доносившийся со двора запах жареного мяса стал нестерпимо соблазнительным, друзья в последний раз вышли из парилки, облились в мыльной холодной колодезной водой и пошли одеваться.

Выглянув из окна бани, Александр крикнул сидящему на обрубке бревна у мангала Николаю:

– Ну, как там наши шашлики-машлики, готовы? – И, получив утвердительный ответ, пригласил бывшего десантника присоединиться к старикам и выпить с ними по рюмочке «настоящего армянского». Ну, и заодно послушать о «делах давно забытых дней». Николай, которого Александр знал еще пацаном, охотно согласился.

К сожалению, отец Николая, отставной майор-танкист, участник Афгана и первой Чечни, отправился по каким-то делам в город. Виктор Сергеев тоже был интересным собеседником. Под шашлычок и коньячок он не раз засиживался с друзьями до полуночи.

И вот настал долгожданный праздник живота. Шашлык, снятый с шампуров, лежит на тарелках, коньяк разлит по стопкам, и все готовы выслушать первый тост. Но на этот раз ритуал был безжалостно скомкан. Антон, записной тамада компании, вместо ожидаемого витиеватого и смешного тоста, поднялся с лавки и каким-то будничным, бесцветным голосом сообщил всем присутствующим:

– Ребята, а я вот машину времени сделал...

Ответом ему были недоверчивые и недоумевающие взгляды друзей. Вроде еще не пил человек ничего крепче травяного настоя. Или это он в парилке перегрелся? Александр недоверчиво хмыкнул, Алексей профессионально поинтересовался у Антона – не кружится ли у того голова, а Николай хохотнул и голосом Антона Семеныча Шпака из знаменитой кинокомедии Гайдая произнес:

– А вот у нас инженер Тимофеев живого царя домой привел...

– Зря вы так, – даже обиделся Антон, – между прочим, я вам сказал истинную правду. Путешествовать во времени с помощью моей машины пока нельзя. А может быть, и можно... Сказать честно, я еще сам толком не знаю. Но взглянуть на то, что было сто семьдесят лет назад, мне уже удалось.

Антон немного помолчал, а потом продолжил:

– Только знаете, ребята, я попрошу вас никому ни слова не говорить о том, что я вам сейчас рассказал. Сами понимаете, желающих воспользоваться моим изобретением может найтись немало. И не факт, что им захочется иметь дело с самим изобретателем. Как говорится, нет человека – нет проблем! К тому же быть на побегушках у какого-нибудь грабителя музеев – невелико счастье. Рано или поздно грохнут.

– А почему именно музеев? – удивленно спросил Алексей. – А не банков или, к примеру, магазинов?

– Потому что картины и всякие штучки Фаберже стоят много, а весят мало, – ответил Антон, – ну, а тамошняя полиция нашим бандюкам не авторитет – покрошат ее из автоматов в один момент.

– Отставить панику! – решительно вмешался в разговор Шумилин. – О Тохином изобретении – никому ни слова! А ты, Антон, запомни: завтра у нас выходной, так что мы забежим к тебе вместе с Лехой и посмотрим, что же ты там наизобретал. И прошу запомнить: спички детям не игрушка. Тоха прав – желающих заполучить такую штуку будет немало... А сейчас – всем веселиться, и о делах больше ни слова!

Кот – первопроходец

После субботы, весело проведенной на даче у Шумилина, наступило воскресенье. Антон, утром вернувшийся домой вместе со своими друзьями, приготовился повторить свой опыт с машиной времени. А бывшие одноклассники, усевшись вокруг сварганенного хозяином квартиры девайса, с умным видом разглядывали машину, стараясь понять – как она работает.

Антон еще раз посидел за заветной папкой и прикинул варианты увеличения мощности временного портала. Ему показалось, что кое-что для этого сделать можно.

Несмотря на то что ему уже было известно, как работает сей агрегат, Антон снова с замирающим от волнения сердцем включал аппаратуру. Снова в центре комнаты повисла в воздухе мерцающая голубоватая точка, снова из нее сверкнул луч света, и снова появилось пульсирующее «яйцо» – маленькое окошечко, через которое можно было заглянуть в далекое прошлое.

Полюбовавшись сценами из питерской жизни XIX века, Антон предупредил друзей, что он сейчас еще чуток увеличит мощность временного портала. «Яйцо» запульсировало сильнее и медленно стало увеличиваться. Скоро оно стало размером с блюдо. Все происходящее в прошлом теперь можно было увидеть более отчетливо.

Друзья пододвинули к «экрану» кресла и с комфортом стали любоваться Петербургом середины XIX века. Скажем прямо, зрелище было весьма занятное. Все происходящее мало походило на кадры из исторических фильмов, где актеры играли, а здесь люди – жили. Увиденное было реальностью.

Они с интересом изучали моду того времени, так мало походившую на нынешнюю. Мужская одежда выглядела на редкость тускло. Представители сильного пола носили сюртуки, преимущественно черного цвета, и темные брюки, чаще всего однотонные. Но иногда брюки были в клеточку. Клетчатыми же были жилеты, надетые под сюртук, и галстуки.

Антон обратил внимание на то, что почти все мужчины гуляли с тростями, легкими, бамбуковыми, или тяжелыми, выточенными из ценных пород дерева, с массивными набалдашниками. У многих на груди на золотой цепочке висели лорнеты, а у некоторых в глаз был вставлен монокль.

Куда ярче выглядели представительницы прекрасной половины рода человеческого. Почти все они были затянуты в узкие корсеты, а их широкие юбки раздувались колоколом. С плеч дам спускались мягкие косынки, а шляпы-кибитки закрывали бледные лица кокетливых красавиц. У многих в руках были кружевные зонтики, которыми дамы защищались от яркого летнего солнца. Загар в те времена был не в моде.

Александр обратил внимание на то, что на улице никто не курил. Словно все петербуржцы вняли предупреждению Минздрава и разом избавились от пагубной привычки. Но порывшись в памяти, он вспомнил, что желание сберечь жизнь и здоровье здесь ни при чем. Просто император Николай I, дабы предотвратить пожары, губительные для русских городов, категорически запретил курение на улицах. И надо сказать, что этот запрет строго соблюдался.

Почему Александр решил, что его друг угодил во времена царствования Николая I? Да потому, что проходившие мимо двое солидных мужчин в вицмундирах и фуражках в разговоре громко ругали «мерзавца Канкрин и его дурацкую реформу». Александр же знал, что знаменитая денежная реформа министра финансов России Егора Францевича Канкрин началась 1 января 1840 года. Поскольку же люди на улице были одеты довольно легко, а на деревьях была свежая зелень, все происходило в конце весны – начале лета 1840 года.

Вволю налюбовавшись снующими туда-сюда петербуржцами, друзья решили провести эксперимент по перемещению из настоящего в прошлое какого-нибудь материального предмета. Посмотрев на огрызок яблока, которое только что закончил грызть Алексей, Антон взял тот с тарелки и с видом Ньютона, открывшего закон всемирного тяготения, издал боевой клич:

– Первый, пошел! – и бросил огрызок в центр пульсирующего «блюдца».

Вопреки ожиданию, ничего страшного не произошло. Раздался тихий звон, и огрызок улетел в прошлое. Минут через десять его обнаружил на тротуаре могучий бородатый дворник в белом фартуке с большой метлой в руках. Недовольно ворча, труженик метлы смахнул огрызок из будущего в берестяной совок и выбросил его в ящик для мусора, стоявший у подъезда дома. Хотя этот огрызок отныне должен был храниться не в ящике для мусора, а в солидном музее, как первый материальный объект, пересекавший границу времен.

Друзья переглянулись. Значит, машина времени могла не только служить средством наблюдения за прошлым, но и беспрепятственно перемещать туда материальные предметы.

– Интересно, – задумчиво сказал Алексей. – Огрызок – это здорово... А вот как насчет живого организма?

– Подопытных кроликов и морских свинок у меня нет, – отрезал Антон, – не держим-с, тут вам не зоопарк. – Неожиданно взгляд изобретателя остановился на мирно дремавшем на диване коте Мурзике. Тот был любимцем хозяина. Кошачка привезли Антону из деревни. Кот был умным, на удивление чистоплотным и ласковым животным. Лишь один грешок был у него – он подворовывал хозяйскую еду, оставленную без присмотра на кухонном столе. Но с этой криминальной привычкой своего любимца Антон давно уже смирился.

Кот был измерен, взвешен, с помощью Алексея, и признан годным для того, чтобы стать заменителем собак-космонавтов – Лайки, Белки и Стрелки. Мурзику досталась почетная миссия – стать первым в мире живым существом – времяпроходцем.

Антон прикинул, что кот свободно пройдет в открытый межвременной портал и, погуляв в прошлом, сможет вернуться в родное время. Если он, конечно, этого захочет. Коты ведь они такие – гуляют сами по себе. Найдет себе там хвостатую зазнобу, свою пра-пра-пра... Ну, в общем, дальнюю родственницу, и его путешествие затянется на неделю, если не больше.

Для того чтобы Мурзик стопроцентно вернулся, Алексей предложил побрызгать вокруг места перехода из пульверизатора настоем валерьянки. А втянуть кота назад Антон решил, используя старый трюк с шарфом – кошачья любил качаться, вцепившись в него когтями.

Перед тем как запустить в прошлое Мурзика, Антон решил еще раз проверить все свои расчеты. Все же кошачья – его любимая животинка, и случись с ней что-нибудь нехорошее, он потом себе этого никогда не простит.

И вот, наконец, все было готово. Включив машину и дождавшись, когда портал снова откроется, Антон взял в руки хвостатого Колумба и легким толчком отправил его в 1840 год. Кот даже не успел сказать историческое «мяу».

– Это маленький шаг для одного кота, – торжественно, голосом Левитана сказал Александр, – но великий – для всего человечества... Фанфар не надо! Кто тут последний за Нобелевской премией?

Потом, убедившись, что с Мурзиком все в порядке, он позвал его:

– Эй, животное, иди назад, домой. Кис-кис-кис...

Но кот не желал его слушать. Он невозмутимо развалился на брусчатке тротуара и стал приводить себя в порядок, всем видом напоминая присутствующим о важности личной гигиены.

– Быстро давайте сюда валерьянку, – яростно зашипел приятелям Алексей. – Кажется, ему там понравилось.

Тем временем кот приступил к вылизыванию своего нетронутого ветеринаром мужского достоинства. Оказавшаяся в двух шагах от него девица, гулявшая по улице со своей пожилой родственницей, густо покраснела и заслонила от созерцания кота-охальника раскрытым кружевным зонтиком.

Увидев эту непристойную сцену, дворник, неподвижно, словно часовой, стоявший у ворот дома, грозно замахнулся метлой на невоспитанное животное. Возможно, что это тело-

движение навсегда бы разлучило Мурзика с его любимым хозяином и родным временем, но тут через портал наружу вылетел кончик шарфа, смоченный валерьянкой. Забыв обо всем на свете, кот с диким воплем вцепился в шарф, и тут же был втащен обратно в XXI век. Нечаянные свидетели этого события торопливо закрестились, поминая вслух нечистого.

Алексей, внимательно осмотрев слегка ошалевшего от всего пережитого первого в мире четвероногого хронопутешественника, заявил:

– Кот как кот, ничего особенного, усы, лапы и хвост...

Тут, вырвавшись из цепких докторских рук, неблагодарное животное помчалось на кухню – организовывать набег на котлеты, опрометчиво оставленные хозяином на столе без присмотра. А двуногие свидетели его подвига горячо стали обсуждать увиденное.

– Значица, так, друзья мои, – сказал Александр голосом Глеба Жеглова, – дело ясное, что дело темное. Объявляю нашу теплую компанию мобилизованной и призванной. Слово предоставляется мне.

То, что изобрел Тоха, друзья-товарищи, и в самом деле не налазит ни на одну голову. Вижу в этом изобретении как великие возможности, так и не менее великие неприятности. Поскольку кто виноват и так ясно, ставлю на обсуждение второй вопрос повестки дня: что делать?

– Э-э-э, Шурик... – произнес Антон, – не слишком ли резко?

– Не слишком, Тоша, не слишком, – неожиданно серьезно сказал Александр. – А что, если бы тот здоровенный мужик с метлой полез к нам в будущее вслед за котом? Ты только представь себе – тушка дворника провалилась к нам, а голова осталась бы в прошлом. Представляешь, какая получилась бы расчлененка? Убойный отдел на уши бы стал! А кровищи было бы не меньше ведра. Такого добра я на службе насмотрелся вдоволь. – Алексей кивнул, подтверждая слова друга, и бывший опер продолжил: – А я как-то не горю желанием стать фигурантом уголовной хроники.

– Ну что вы, ребята, – примирительно сказал Антон, – ну, не дотумкал я, и что?

– Не дотумкал он, понимаешь... – проворчал Александр. – В общем, граждане-изобретатели, правила техники безопасности гласят, что если ты лезешь в какое-либо опасное место, то рядом должен стоять друг и держать руку на расстегнутой кобуре. А еще желательно иметь рядом готовую к применению медицину. Медицину обеспечит Леха, а руку на кобуре, пока ты тут экспериментируешь, я подержу сам. Завтра же притащу свою «Сайгу». Всем все ясно?

– Так точно, гражданин начальник! – хором рявкнули Антон с Алексеем.

– То-то же, – проворчал Александр. – Покончив с техникой безопасности, перейдем к долгосрочному планированию операции. – Друзья тяжело вздохнули, а Александр, сделав вид, что не заметил этого, продолжил: – Любая операция начинается с чего? Вы угадали, с разведки. А первое правило разведчика – быть незаметным. Поэтому необходимо достать прикиды, аналогичные местным, и научиться их носить. В случае контакта с властями лучше всего косить под иностранцев...

– Прививки надо сделать, – вздохнул Алексей, – все, какие возможно. И обязательно от гриппа.

– А грипп-то зачем? – спросил Александр.

– А грипп – это не для защиты нас от их болезней, а наоборот, – ответил Алексей. – Ты же не хочешь, чтобы, не дай бог, конечно, после нашей прогулки по столице империи Петербург вымер бы от эпидемии вроде знаменитой «испанки»? Тогда народу поумирало больше, чем было убито за четыре с лишним года Первой мировой войны.

– Тоже верно, – кивнул Александр. – Итак, друзья-товарищи, подготовительный период по освоению просторов XIX века предлагаю считать открытым.

Я, например, возьму на себя построение костюмов. Есть тут у меня одна дамочка – делает все, от набедренной повязки до космического скафандра. К тому же она, как я помню, шьет реквизит для «Ленфильма» и некоторых театров. То есть историю костюма знает.

Тоха же ведет наблюдение. Только, ради бога, сделай так, чтобы сюда не залетали посторонние предметы и их владельцы.

Леха обеспечивает иммунизацию контингента. Сроку на все про все – десять дней. Если управимся раньше – честь нам и хвала. Вопросы есть? Вопросов нет. Военный совет предлагаю считать законченным. Кто за? Кто против? Единогласно. Вольно! Разойдись! Можно покурить и оправиться...

Мальбрук в поход собрался

Вернувшись поздним вечером домой, Шумилин долго размышлял над тем, чему он оказался свидетелем в квартире своего школьного друга. Его весьма заинтриговала возможность побывать в прошлом и своими глазами увидеть Петербург XIX века.

Дело в том, что еще во время службы в милиции, в свободное от розыска разных мазуриков время, он увлеченно штудировал историческую литературу, пытаясь разобраться в хитросплетениях событий далекого прошлого России. Пытаться понять, что же все-таки происходило в России и за ее пределами, было для него не менее увлекательным занятием, чем раскрыть самое запутанное преступление. К пенсии у него собралась довольно большая библиотека, в которой имелись книги по истории, сборники документов, мемуары военных и политических деятелей.

Поэтому бывший опер принял открытие школьного друга как подарок судьбы. По старой привычке он решил составить план грядущей разведывательной вылазки в прошлое.

Прежде всего надо было соответствующим образом экипироваться. Это значило, что надо не только добыть одежду того времени, но и придумать соответствующую легенду на случай различных непредвиденных ситуаций.

И еще – брать или не брать с собой оружие? А если брать, то какое именно? Вариантов было несколько. Можно взять «Сайгу» и травматик. Но карабин трудно спрятать под одеждой, а если его носить открыто, то необычное для того времени оружие привлечет ненужное внимание. Травматик же на какое-то время сможет вывести из строя оппонента, но против тогдашнего кремневого пистолета, «Оса» или «Макарыч» не потянут. Как быть?

Конечно, можно попытаться нелегально добыть боевой ствол. Для отставного опера задача достаточно простая. Но случись что, и незарегистрированное оружие может отправить своего владельца не в прошлое, а в места, где люди валят лес и любят северным сиянием. Такой вариант Александра не устраивал.

Другое дело – создать тайник, или еще лучше – постоянную базу в прошлом. Тогда оружие будет находиться вне юрисдикции российских правоохранительных органов. Над этим стоило подумать. И Шумилин сделал пометку в рабочем блокноте.

Теперь насчет того, что можно было приобрести легально. Например, бронежилеты. Хороший броник скрытого ношения потянет на несколько десятков тысяч рублей. Деньги немалые. Конечно, Тоха может подкинуть грошей на парочку бронежилетов, но в дальнейшем надо будет покумекать насчет дополнительных источников финансирования. И Шумилин опять зачиркал ручкой по странице блокнота.

Теперь о базе. Ее надо создавать. Лучше всего завести в Петербурге какой-нибудь бизнес. Или, как говорили в те времена, дело. А еще лучше – приобрести недвижимость. Надо порыться в своих архивах и узнать, как это лучше сделать... Но опять все упирается в деньги. Причем не наши родные рубли и даже не заморские баксы. Надо раздобыть деньги того времени. В рабочем блокноте Шумилина появилась еще одна строчка.

А теперь о главном – для чего все это? Как любят говорить гаишники: «Если вы хотите перейти улицу, то прежде всего подумайте – а надо ли ее вообще переходить?» Путешествовать во времени лишь для удовлетворения собственного любопытства? Или для того, чтобы сделать что-либо полезное России?

Например, расстроить дуэль Лермонтова и Мартынова. Она состоится в Пятигорске на будущий год, а зимой 1840–1841 годов поэт будет в Петербурге... И Александр снова взялся за ручку.

Возможно мягкое вмешательство извне и в политические вопросы. Но для этого необходимо найти «доступ к телу». По мемуарам и документам того времени Александр был осве-

домлен о том, что император Николай I был недоверчивым и скрытным человеком. К нему было трудно подобрать ключик.

Но не был и тупым ретроградом, каким любили его изображать и в советской, и в российской либеральной исторической литературе. Николай Павлович чутко реагировал на информацию, поступающую из самых различных источников. У него была привычка лично вникать во все, что вызывало интерес и являлось из ряда вон выходящим. Значит, надо найти подходы ко двору царя. Для этого есть несколько вариантов, над которыми стоит подумать.

А поводы для вмешательства во внешнюю политику были. К примеру, в 1841 году Российско-американская компания продала свои владения в Калифорнии – Форт-Росс, который находился в сотне километров от нынешнего Сан-Франциско. Причем скорее даже не продали, а отдали даром, потому что покупатель не доплатил Российско-американской компании три четверти обещанной цены...

А через семь лет после продажи в тех местах, которые отошли недобросовестному приобретателю, было найдено золото, и началась знаменитая «Калифорнийская золотая лихорадка». И Александр опять сделал пометку в блокноте.

Так, мало-помалу его блокнот стал заполняться все новыми и новыми записями. Оказывается, нелегкое это дело – путешествовать во времени!

* * *

На следующий день он отправился к старой знакомой. Ольга Румянцева зарабатывала на жизнь тем, что шила костюмы для питерских театров и для реконструкторов, обожающих устраивать посиделки с выпивкой в старинном стиле. У нее-то он и хотел проконсультироваться по поводу моды того времени. Ну, и если повезет, заказать костюм для себя.

Ольга Валерьевна Румянцева была тридцатилетней, одинокой и бездетной. Вообще-то она в свое время закончила финансово-экономический институт. Но заниматься бумагами и сводить дебет с кредитом ей не хотелось. Скучно и неинтересно. Авантюрный характер часто толкал ее на разные экстравагантные поступки. Типа занятия йогой и карате.

Еще в юности Ольга обожала шить. Причем не сарафаны и халаты, а платья и костюмы, какие носили ее любимые герои исторических романов. Вскоре она могла вполне профессионально сшить фрак, вицмундир или кафтан. Особенно Ольга обожала тот период в истории России, когда жили и творили ее любимые Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Крылов и Жуковский. Поэтому лучшего специалиста в этой области Шумилин вряд ли смог бы найти.

Ольга Румянцева жила в старой однокомнатной квартире на Лиговке. Ее жилище напоминало одновременно и ателье, и костюмерную «Ленфильма». Повсюду на плечиках висели уже готовые или только начатые мужские и женские костюмы времен «Пиковой дамы» и «Героя нашего времени».

– Чем обязана твоему визиту? – кокетливо спросила Ольга после взаимных приветствий. – Если мне память не изменяет, последний раз мы виделись...

– Да... – задумчиво сказал Шумилин, – как быстро летит время...

– И не говори, – хозяйка легким движением смахнула со старинного венского стула какие-то лоскутки и маленькой ножкой в расшитой бисером туфельке подвинула его Александру, предлагая садиться.

– Спасибо, – поблагодарил тот. Присел, немного подумал, и перешел к делу: – Ольга, не могла бы ты сшить несколько мужских костюмов, какие носили в начале сороковых годов девятнадцатого века?

– А зачем они тебе? Ты что, под старость лет в реконструкторы или ролевики решил податься? – подозрительно спросила его Ольга.

– Ну, что-то вроде этого, но не совсем, – довольно туманно ответил ей Александр. – Мы тут с приятелями решили снять любительский фильм о временах императора Николая Павловича. Хотим, чтобы все было натурально. Заплатим хорошо, не обидим. Но сделать все надо побыстрее... Так как, ты возьмешься?

– Гм, темнишь ты что-то, – ухмыльнулась Ольга, – ну да ладно... «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы», – хозяйка процитировала Святое Писание.

– «Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги», – Александр ответил ей фразой из Екклезиаста. – Итак, с чего начнем? Что бы ты посоветовала сшить, для того чтобы внешне быть похожим на человека из того времени?

Ольга улыбнулась, и с видом маститого преподавателя начала лекцию:

– Что носили в начале сороковых годов девятнадцатого века? О женских костюмах разговор отдельный. А вот мужчины тогда выглядели весьма импозантно. Люди из приличного общества носили фраки и сюртуки. Цвет чаще всего был черный. К ним надевали темные брюки, а к цветным сюртукам – светлые гладкие и цветные клетчатые брюки. Кстати, брюки тогда называли панталонами, – улыбнулась Ольга. – Панталоны держались на уже вошедших тогда в моду подтяжках, а внизу оканчивались штрипками, что позволяло избегать складок. Для мужского костюма использовали дорогостоящие шерстяные ткани. Бальные фраки шили из бархата, жилет – из разноцветной парчи.

Ну, а жилеты, галстуки и носовые платки были исключительно в клеточку. Впрочем, существовали и другие варианты. Например, у императора Николая Павловича была цивильная пара, которую он надевал в зарубежных вояжах. Так вот, как вспоминали современники, жилет императора был сплошь расшит синими цветочками. А что, – улыбнулась Ольга, – очень даже оригинально и креативно!

Вообще же пестрота в мужской одежде считается признаком дурного вкуса. Считалось, что это чисто дамские выверты. – Ольга заговорщицки подмигнула Александру. – Впрочем, сие не касалось тогдашней российской творческой интеллигенции. К примеру, Иван Сергеевич Тургенев носил синий фрак с золотыми пуговицами в виде львиных головок, серые клетчатые панталоны, белый жилет и цветной галстук.

Да, и еще вот о чем надо помнить, – Ольга взяла стоявшую в углу комнаты щегольскую трость с набалдашником, инкрустированным стразами, и ловко крутанула ее перед носом своего гостя, – запомни, в то время повсеместно носили трости. К примеру, если человек был в цилиндре и фраке, то без трости он просто не мог выйти из дома. Трости были разные – от простых деревянных палок до комбинированных устройств. В продаже были трости-палатки, трости-портсигары, трости-гамаки, трости с компасом и географической картой, трости с часами. Трости были тонкими с круглым набалдашником, толстые бамбуковые и деревянные – «бальзаковские».

– А ты не смейся, – нахмурилась Ольга, увидев, как развеселился Шумилин, наблюдавший за ее экзерцициями с тростью, – это очень важно, как человек держит трость в руках. Бальзак говорил, что по тому, как вы держите трость, можно сделать выводы о вашем характере.

– А были трости-оружие? – поинтересовался Александр.

– Естественно, были, – ответила хозяйка дома и встала в фехтовальную позицию, уперла левую руку в бок, выставив трость, как рапиру, – трости служили ножнами для стилетов и даже шпаг. Массивную трость использовали как палицу.

И она снова стала махать тростью, словно Джеки Чан. Александр вспомнил, что помимо шитья костюмов Ольга умела еще кое-что. Например, съездить своей очаровательной ножкой противнику в челюсть.

– Да, вот еще что, – добавила Ольга, поставив наконец трость в угол и присев на изящную кушетку, – надо уметь правильно держать руки. На прогулке не занятые тростью и не поддерживающие даму руки закладывали в карманы редингота, сюртука или за спину.

Запомни еще, что в те годы, независимо от остроты зрения, было принято носить лорнет, лучше складной. Оправа могла быть изготовлена из золота, бронзы или панциря черепахи. Лорнет носили на цепочке на шее, закладывали его за вырез жилета или в горизонтальный карман на брюках чуть ниже пояса, или прикрепляли к пуговице фрака. На балу этот лорнет доставали, и кавалеры с его помощью разглядывали дам – «лорнировали».

– Впрочем, – с улыбкой заметила Ольга, – за слишком явное «лорнирование» девицы на балу или на спектакле, ее воздыхатель, если, конечно, таковой имелся, мог послать нахалу вызов на дуэль.

Примерно тогда же в моду стал входить монокль. Он мог быть как овальной, так и прямоугольной формы. Монокль носили на шнурке или цепочке, прикрепляя к верхней пуговице фрака или сюртука. Употребление этого прибора требовало немалого искусства. Полагалось, элегантно приподняв надбровье, «принять стекло», а затем небрежным движением выбросить его из глаза...

Ну, а люди пожилые и консервативные носили обычные очки в металлической – даже золотой, или роговой оправе – в зависимости от достатка.

Тогда же в моду вошли вышитые бисером кошельки и бисерные цепочки для часов. На бисерных цепочках носили часы в жилетных карманах. Концы не завязанного галстука – ах, если бы ты знал, сколько труда и умения требовалось его завязать по моде тридцатых годов! – вздохнула Ольга. – Скалывали на груди булавками с жемчужиной, камеей или драгоценным камнем.

Последней «вольностью» для мужчин того времени были пуговицы на рубашках и жилете, которые делались либо из подлинных драгоценностей, либо из их имитации.

Впрочем, провинция была консервативной, и люди там донашивали костюмы, сшитые по моде предшествующего десятилетия. Особенно это касалось отставных военных. Они еще долго носили свои мундиры, «времен очаковских и покоренья Крыма».

– Ну, что еще добавить? – задумалась Ольга. – Еще непременно атрибутом человека из общества были карманные часы. Их носили либо на короткой цепочке с брелоками, висящей из жилетного кармана, либо на длинной цепочке, которую надевали через голову.

– А что в те годы носили на голове? – поинтересовался Шумилин, машинально поглаживая свои редущие волосы с довольно приличной уже плешью на макушке.

– Самым распространенным тогда головным убором был цилиндр, – ответила Ольга. – Он появился в восемнадцатом веке, и позже не раз менял цвет и форму. Существовал и складной цилиндр – шапокляк: на стальной пружинный каркас натягивался кусок шелковой материи. Особенно удобен он был в театре. Можно было сложить его и убрать под кресло.

А во второй четверти девятнадцатого столетия в моду вошла широкополая шляпа – боливар, названная в честь южноамериканского военного и политического деятеля Симона Боливара. Такая шляпа означала не просто головной убор – она указывала на либеральные взгляды ее владельца. Впрочем, боливары носили чаще всего люди молодые, фрондирующие, поэтому для твоего возраста он вряд ли подойдет.

– Да, – озадаченно промолвил Шумилин, – сложная эта наука – история костюма.

– А ты думал, – подмигнула ему Ольга, – но нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики! Итак, приступим. – Она взяла с полочки у швейной машины матерчатый метр и властным жестом указала гостю на коврик рядом с кушеткой.

Александр вздохнул, покорно снял пиджак и приступил к самой неприятной для него в жизни процедуре – снятию мерки для шитья костюма...

В 1840 году в России, и не только

Российской империей вот уже пятнадцать лет правил император Николай I. Было ему тогда сорок четыре года. Государь был полон сил и здоровья. После восстания мятежных гвардейских полков на Сенатской площади царь подозрительно посматривал на любые попытки вольнодумства и строго карал всех смутьянов.

Для того в 1826 году при Императорской канцелярии было создано III отделение, своего рода тайная полиция. Штат ее был мизерным для такой огромной страны, как Российская империя, – всего двадцать восемь человек. Правда, год назад к III отделению ЕИВ канцелярии присоединили Корпус жандармов. Причем оба управления, III отделение и Штаб Корпуса жандармов под главным ведением генерал-адъютанта графа Бенкендорфа, подчинялись генерал-майору Леонтию Дубельту. Но численность жандармов тоже была небольшой – чуть менее трех тысяч человек.

На Кавказе который год шла война с упрямыми горцами, поддерживаемыми Турцией и Великобританией. Шамиль, став имамом Дагестана и Чечни, начал готовиться к долгой и бескомпромиссной войне с «неверными».

В царствование Николая I открываются новые учебные заведения, строятся фабрики и заводы. В 1837 году началось движение по первой в России железной дороге Петербург – Царское Село. В 1839 году начались две важнейшие реформы Николая Павловича – финансовая, которой руководил министр финансов Канкрин, и крестьянская, проводимая министром государственных имуществ Киселевым.

В Британии же правила юная – всего двадцать один год – королева Виктория. Некоторое время у нее был бурный роман с цесаревичем Александром Николаевичем, который путешествовал по Европе в поисках невесты. Но брак между королевой и русским принцем не состоялся. Цесаревич Александр женился на гессенской принцессе Максимилиане Вильгельмине Августе – в крещении Марии Александровне. А королева Виктория вышла замуж за своего кузена, герцога Альберта Саксен-Кобург-Готского.

Британия, еще не ставшая империей, вела активную колониальную экспансию по всему миру. В феврале 1840 года она наложила свою тяжелую руку на Новую Зеландию. Солдаты в красных мундирах вломились в Афганистан, но в Парванском ущелье были разбиты воинственными пуштунами.

В Китае началась Первая Опиумная война.

Во Франции правил «король-груша» – Луи-Филипп I, представитель Орлеанской ветви Бурбонов. Это был король банкиров, а не аристократов. Именно при нем французская армия вторглась в Алжир.

В Пруссии правил, точнее доживал свои последние дни король Фридрих Вильгельм III. Он умрет в июне 1840 года, и новым королем Пруссии станет его сын, тоже Фридрих Вильгельм, только под номером IV.

Будущая звезда германской внешней и внутренней политики Отто фон Бисмарк был еще совсем юнцом, и в своих померанских поместьях занимался повышением их доходности, не помышляя пока о карьере дипломата и государственного деятеля.

Австрийским императором был тогда Фердинанд I, страдающий эпилепсией и водянкой головного мозга. Он был недееспособен, и потому руководил всей внутренней и внешней политикой Двуетидной империи канцлер Меттерних. Это был ярый русофоб, и политика его целиком была нацелена на создание максимальных неприятностей Российской империи.

Италии как таковой еще не было, но созданная полит эмигрантом Мадзини организация «Молодая Италия» уже готовила восстания против королей, герцогов и графов. Джузеппе

Гарибальди в это время воевал в Южной Америке на стороне мятежных бразильских и уругвайских провинций.

Испанией формально управляла малолетняя наследница престола Изабелла II, а фактически – военные хунты, сменявшие друг друга.

В САСШ в 1840 году состоялись выборы, на которых Гаррисон и Тайлер от партии вигов выиграли у Ван Бьюрена и Джонсона от демократической партии. Причем Ван Бьюрена обвиняли в том, что экономика при нем пришла в упадок (отсюда прозвище Ван Бьюрена – Ван Руин, от *ruin* – руина). Вице-президентом при нем был Ричард Джонсон – убийца легендарного Текумзе – вождя индейцев шауни.

В общем, время было веселое...

Колдуй баба, колдуй дед...

Попрощавшись с друзьями, Антон снова внимательно осмотрел свое детище. Ему хотелось прикинуть – на что еще способна созданная им машина, и как с ее помощью перемещать крупногабаритные грузы.

Остаток вечера и половину ночи он провел за компьютером, просчитывая все возможные режимы работы агрегата. Прорисовывались кое-какие новые возможности. Кроме того, в голове у изобретателя возникла мысль сделать что-то вроде «времядетектора» – прибора, с помощью которого можно будет фиксировать работу портала. Такой прибор очень пригодился бы путешественникам во времени – с его помощью на расстоянии можно было обнаруживать место «пробоя» и находить к нему кратчайший путь.

«Времядетектор» Антон собрал на следующий день. Прибор получился компактным и внешне похожим на небольшой тестер. Включив на пару минут машину времени, Антон вышел на лестницу и сразу же с его помощью засек работу портала. Похвалив самого себя, Антон спрятал прибор в дорожную сумку. Он собрался навестить старого приятеля по НИИ, который одно время вместе с ним работал по этому проекту.

Приятель жил в Кировске – райцентре Ленинградской области. Город этот расположен на берегу Невы, недалеко от Шлиссельбурга. Добраться до него можно было по трассе «Кола». На автомашине – всего ничего, если конечно, не угодишь на выезде из Питера в пробку.

Юрий Тихонов – так звали его знакомого, был рад встрече. Он был старым холостяком. С его помощью Антон сумел когда-то найти несколько интересных решений, которые теперь, когда проект доведен до ума, могли существенно повысить мощность машины времени. Естественно, Антон не стал раскрывать перед приятелем все карты, сказал лишь, что хотел бы воплотить в жизнь кое-что из задумок молодости. Но Юрий, покачав уже изрядно облысевшей головой, сказал, что на прежних проектах он давно поставил крест, и теперь у него другое увлечение – история.

А потом они сели пить чай, и Юрий с увлечением стал рассказывать Антону о достопримечательностях Шлиссельбурга и его окрестностей.

Как человек любознательный, Антон с удовольствием слушал друга. Тем более что тот рассказал кое-что весьма для него интересное. Особенно заинтриговало Антона сообщение об одном таинственном объекте на окраине Кировска, носящем название «Красные Сосны». Юрий прочитал гостю отрывок из книги Михаила Пыляева «Петербург и его окрестности». Вот что там было написано.

«В верстах двенадцати от Шлиссельбурга находится одно из урочищ, известное по пребыванию здесь великого преобразователя России. Стоить оно не вдалеке от Невы; на лужайке, посреди некогда густого соснового леса, название ему “Красные Сосны”. Здесь останавливался Великий Петр на походе из Шлиссельбурга к Ниеншанцу; самые сосны, составлявшие круга, были посажены тогда солдатами на расчищенном месте для палатки Петра.

О Красных Соснах есть и древнейшие предания и даже одно легендарное, относящееся ко временам язычества. Древние финны совершали жертвоприношение своим богам Перкелю и Юмале в священных рощах. Под Красными Соснами, на высоком берегу Невы, и была такая священная роща; где чинится суд старшин; собиралось народное вече и приносились жертвы.

За несколько десятков лет тому назад Красные Сосны были обнесены забором, и одна из них росла посреди луга. Одинокую сосну тамошние жители признавали священным деревом. Кем была посажена эта сосна, предмет обожания? – предание не отвечает. Существует еще и другое предание, что

на месте Красных Сосен, по водворении в земле финнов христианства, был сооружен храм – это подтверждает Павел, абовский епископ, который писал, что близ дороги в Нотебург, в лесу, находился монастырь.

Вот и существующая у финнов легенда о здешней местности. Когда, несколько сотен лет назад, между Швецией и Россией происходила кровавая война, русские постоянно побеждали; неожиданно к шведам прибыл новый полководец Понтий Делагарди. Это был человек необыкновенный и находился в тайной связи с духами, при участии которых и стал побеждать русских. Делагарди проходил леса, горы и болота с неимоверной быстротой. Одно имя его приводило в ужас на неприятелей. Однажды после побоища Делагарди расположился на отдых, избрав место у Красных Сосен. Когда вождь заснул, у него мгновенно выросло на шее огромное дерево. Сильная тяжесть заставила Делагарди проснуться. Хотя ему трудно было сдвинуть с себя чудное дерево, однако он успел сделать это при помощи злого Перкеля. Это происшествие Делагарди приписал божескому гневу. Собрав свое войско, он немедленно отправился в дорогу и исчез. С тех пор его никто не видал».

Антон выслушал историю о чудо-дереве и о странной судьбе Делагарди с большим интересом. Было в ней нечто, что заставило Антона встрепунуться и почувствовать, что информация сия окажется для него нужной и полезной. Он расспросил Юрия о том, как добраться до упомянутого в книге места, и попрощался с ним, обещая заглянуть в самое ближайшее время. Сев в машину, Антон отправился в сторону Красных Сосен.

Свернув на Набережную улицу, он доехал до угла улицы Победы. Здесь, у памятника царю Петру, Антон припарковал машину.

Достав из сумки «времендетектор» и включив, Антон направил его в сторону деревьев, росших на берегу Невы. Прибор зашкалило! Если верить его показаниям – а причин не верить не было, – то получалось, что где-то здесь был знатный пробой во времени. Неизвестно было, можно ли с его помощью попасть в прошлое или будущее, но рассказ о старинном капище ижоры и о таинственном происшествии с Делагарди, возможно, не был обычной выдумкой.

Обойдя с «времендетектором» в руках местность, прилегавшую к памятнику Петру I, Антон определил участок, где прибор показывал наибольшие отклонения стрелки.

Всю дорогу до Питера он молчал, осмысливая увиденное и услышанное. В голове появился план по использованию «Кировского феномена»...

Береженого и Бог бережет

Ну, а Алексей Кузнецов, как человек самой гуманной профессии, занялся медицинским обеспечением предстоящей экспедиции в прошлое. Для начала он порылся в специальной литературе, где описывались наиболее крупные эпидемии в истории России и Петербурга.

Самой известной была эпидемия холеры, пиком которой стал «Холерный бунт» 1831 года. Болезнь эта начала свой путь в 1827 году из Азии. Борьба с ней была тяжелой. Миновав карантин, она зашагала по России. Власти вели борьбу с этим бедствием, но так, что все старания медиков вызывали лишь стихийные бунты.

Причин для недовольства было много. Например, неумеренное употребление врачами хлорной извести. Стараясь обеззаразить воду, эскулапы и их помощники сыпали горстями хлорку в колодцы и пруды. Да так, что потом люди получали отравления, часто смертельные. А в прудах дохла рыба.

Учитывая, что значительная часть врачей была немецкого происхождения, среди народа поползли слухи о том, что «лекари-немцы специально травят православный люд».

Холерные бунты вспыхнули в Тамбове, Новгородской губернии, Севастополе и Санкт-Петербурге. Часто они сопровождались убийствами медиков. Во время холерного бунта в Старой Руссе было убито восемнадцать офицеров, врачей, фельдшеров и священников. Толпа подвергала пыткам офицеров, заставляя их признаваться в «отравлениях» и подписываться под этими «признаниями».

Первые случаи заболевания холерой были отмечены в Петербурге в июне 1831 года. Очевидцы вспоминали, что столица Российской империи являла тогда собой страшное зрелище. По пустынным улицам разъезжали зловещие холерные возки. На мостовой лежали трупы, которые еще не успели убрать. На кладбище везли и везли гробы. В день умирало по шесть сотен человек.

При первых признаках холеры Николай I и его двор выехали в Петергоф. Люди состоятельные тоже поспешили покинуть столицу.

Ну, а простой народ был предоставлен самому себе. Поползли слухи, что холеру в Питер завезли иностранцы, чтобы «переморить простой народ и сделать город сплошь немецким». Со второй половины июня в Петербурге начались погромы: толпы обезумевших людей оставляли и разбивали санитарные кареты, в которых везли больных, и выпускали их. Народ, дошедший до полного озверения, вступал даже в схватку с полицией.

Самый большой погром был устроен на Сенной площади, где находилась временная холерная больница. Обезумевшая толпа ворвалась в здание, выбила стекла во всех этажах, выбросила в окно мебель, разогнала больничную прислугу и убила двух врачей. Один из них, Дмитрий Дмитриевич Бланк, был родным братом деда Владимира Ильича Ленина по материнской линии.

Перепуганные столичные власти решили применить силу. Дело могло закончиться кровопролитием. Но его предотвратил император Николай I, спешно прибывший в столицу из Петергофа.

Въехав в открытой коляске на Сенную площадь, окруженную войсками, царь прямо из экипажа обратился к народу:

– Учинены были злодеяния, общий порядок был нарушен. стыдно народу русскому, забыв веру отцов, подражать буйству французов и поляков...

И чтобы успокоить народ, он решил лично продемонстрировать всем, что лекари не травят их, пытаются лечить.

Он взял склянку с ртутью (в то время ее использовали в качестве лекарства) и приготовился выпить. Лейб-медик царя Арендт, присутствовавший при сем, бросился к Николаю и предупредил его:

– Ваше величество, лишитесь зубов! – на что царь спокойно ответил:

– Ну, так вы сделаете мне челюсть. – И спокойно, словно это был стакан его любимой минеральной воды, он выпил ртуть.

Увидев это, народ повалились на колени, а Николай закончил все тем, что подозревал какого-то старика, трижды облобызал его и уехал. Таким образом, царь без кровопролития успокоил народ на Сенной площади, хотя волнения в городе продолжались еще некоторое время.

Но это все касалось холеры. Алексей знал, что предохраниться от этого заболевания можно, соблюдая элементарные правила гигиены. Достаточно было не пить сырую воду. Некоторые болезни можно предотвратить прививками. Надо будет сказать будущим хронопутешественникам, чтобы зашли к нему в клинику и подставили для уколов те части тела, которые обычно не показывают посторонним. Алексей мерзко ухмыльнулся, представив своих друзей со спущенными штанами.

Потом он сел за стол и стал набрасывать на листке бумаги список лекарств, которые следовало бы иметь при себе тем, кто отправится в далекий XIX век...

* * *

После визита к Ольге Румянцевой Шумилин отправил к ней прочих кандидатов в путешественники во времени. Каждый должен был заказать себе костюм с учетом личных вкусов и той легенды, под которой собирался появиться в первой половине XIX века.

На общем собрании друзья решили изображать среднестатистических представителей той группы населения, которую сегодня принято называть средним классом. То ли дворян среднего достатка, то ли дельцов с претензией на «благородство». Или «почетных граждан» – существовала тогда такая прослойка жителей российских городов.

Пока неутомимая Ольга Румянцева шила для них костюмы и обеспечивала всем необходимым реквизитом, Алексей и Александр старательно штудировали книги об императоре Николае I и его времени. А также о том, как жили не только всем известные исторические личности, но и обычные люди в славном граде Петра.

А жили они, надо сказать, совсем нескудно. Конечно, тогда еще на Руси не существовали такие привычные для XXI века радости, как Интернет, видео и мобильник, дискотеки и спортбары. Но зато люди больше общались, посещали театры, балы, места увеселений. Последние же назывались в ту пору «вокзалами». Но к железной дороге, или как ее тогда называли – «чугунке», эти заведения никакого отношения не имели.

Вокзалы – это сады, городские и загородные, в которых владельцы организовывали концерты и дивертисменты с танцевальными вечерами и маскарадами. Само же понятие «вокзал» произошло от названия небольшого британского поместья, расположенного недалеко от Лондона и принадлежавшего Воксу де Броте, где устраивались балы, спектакли и фейерверки.

В России первые вокзалы появились еще при императоре Петре I. Они были платные и бесплатные. А в 1836 году в Павловске был построен первый «вокзал» в том виде, в каком мы сейчас используем подобные станционные сооружения. В тот год в России была открыта первая железная дорога, соединяющая Павловск и Царское Село с Петербургом.

Общество Царскосельской железной дороги выстроило в Павловске, в числе прочих сооружений, залы для балов и концертов с общей столовой. В самом большом зале находился фонтан, построенный одним заморским умельцем.

Весной 1837 года, по утвержденному Николаем I проекту, на территории Павловского вокзала появились открытые концертные площадки и места для танцев с эстрадой. Здесь выступали известнейшие музыканты и певцы.

Например, в Павловке в течение нескольких сезонов гастролировал сам король вальсов Иоганн Штраус. Правда, это было уже во времена императора Александра II. Таким образом, Павловский музыкальный вокзал служил не только пунктом посадки пассажиров в поезда, но и местом народных гуляний и концертов.

Надо сказать, что полезная привычка гулять на свежем воздухе была распространена среди столичной знати. Даже император Николай Павлович любил поутру пройтись по дорожкам Летнего сада безо всякой охраны. В простой шинели он шел, вежливо раскланиваясь с теми, кого знал лично. Погуляв часик-другой, царь отправлялся по Дворцовой набережной в Зимний дворец, чтобы заняться там государственными делами.

Времена были еще патриархальные, и никто и слыхом не слыхивал про террористов с пистолетом, кинжалом или динамитом.

Александр и Алексей вживались в избранные ими образы, как разведчики перед заброской в страну пребывания. По сути дела они и были такими разведчиками. Первое их посещение Петербурга XIX века было чем-то вроде разведывательного поиска. Только вот задача взять «языка» пока перед ними не ставилась. Впрочем, мысль о «языке» Александру понравилась. Вот только кого взять с собой в прошлое? Да и надо ли это делать?

И тут он вспомнил одну фамилию. Князь Владимир Федорович Одоевский был одним из умнейших и образованнейших людей того времени. Все в детстве, наверное, читали его сказки: «Городок в табакерке» и «Мороз Иванович»? Князь любил сочинять подобные истории для детишек, и даже написал несколько сборников.

Но мало кто знает, что Одоевский был еще и одним из первых русских фантастов. Им был написан удивительный роман «4338 год», в котором он попытался заглянуть в далекое будущее. И это ему удалось довольно успешно. Во всяком случае, описанный им мир был удивительно похож на наш XXI век.

Князь писал о путешествиях в космос, полете на Луну. Среди описанных им изобретений были приборы, похожие на телефон, кондиционер, ксерокс и многое другое. Одоевский додумался даже до таких, весьма специфических изобретений, как сыворотка правды! И откуда он только обо всем этом знал?!

В своей неоконченной книге (интересно, а почему он ее так и не дописал?) князь рассказывал еще об одном изобретении, удивительно похожем на Интернет. В его романе говорилось: «Между знакомыми домами устроены магнетические телеграфы, посредством которых живущие на далеком расстоянии общаются друг с другом». Кстати, упоминались в его романе и некие «зеленые человечки», прилетевшие на неизвестном летательном аппарате в Лондон. Так вот, оказывается, откуда пошла мода на «летающие тарелки» и прочие чудеса уфологии!

Ну, а геополитические прогнозы князя Одоевского были просто потрясающими. В его романе центрами мирового могущества в будущем стали Россия и... Китай. Одним словом, субъект сей был весьма интересный, и надо будет постараться с ним познакомиться поближе.

Антон решил, что именно Одоевский мог бы стать тем «языком», которого можно взять с собой в наше время. Шумилин прикинул, что в будущее князя не придется тянуть силком. Достаточно будет предложить ему своими глазами взглянуть на то, о чем он совсем недавно (роман «4338 год» был начат в 1837 году) писал, и Одоевский сам начнет проситься в XXI век.

Следовало также не забывать, что князь принадлежал к сливкам столичного общества и имел огромные связи при царском дворе. Он мог помочь хронопутешественникам обустроиться в прошлом.

А его знакомства в литературном и музыкальном мире Санкт-Петербурга?! Среди тех, кто ходил в друзьях Одоевского, были такие литераторы, как Белинский и Соллогуб, к которым

позднее присоединятся Достоевский и Гончаров. Из музыкантов же в его дом были вхожи Глинка и Алябьев...

Шумилин перечитал всю информацию об Одоевском, которая была в его домашних архивах. В 1840 году князь жил на набережной Фонтанки в доме № 35. Александр хорошо знал это старинное здание, выстроенное в стиле классицизма. В середине XIX века оно принадлежало Его Императорского Величества Канцелярии и было расположено всего в двухстах метрах от Невского проспекта. Надо будет обязательно нанести визит князю...

«Он сказал: “Поехали!”...»

И вот, наконец, настал, день, который все так долго ждали, и которого, если сказать честно, все немного боялись. К тому времени «кузина-белошвейка» – так мужчины стали называть Ольгу Румянцеву – сделала два костюма для хронопутешественников. И им понадобилось хотя бы пару дней, чтобы обнести новую и непривычную для них одежду.

Антон еще и еще раз проверял и перепроверял свою аппаратуру. Работала она безукоризненно. Явных багов он не обнаружил, все технические параметры были в норме. К тому времени Антон научился немного управлять машиной, и вместо Гагаринской улицы, куда первоначально был пробит временной тоннель, он вывел выход из портала в Летний сад, здраво рассудив, что там, среди зарослей декоративных кустарников и зеленых лабиринтов, появление людей из ниоткуда будет менее неожиданным, чем явление их перед всем честным народом где-нибудь на оживленной столичной улице.

Для подстраховки Шумилин взял с собой в прошлое пистолет ПСМ, одолжив у одного бывшего коллеги. Пистолет был наградной, вполне легальный. Александр пообещал, что в сводке происшествий по городу этот ствол стопроцентно не всплывет. Кроме того, он прихватил баллончик с перцовым газом. Ну, это скорее была защита от тамошних собак. Уж очень не хотелось быть покусанным каким-нибудь Трезором из прошлого. А для психологического воздействия на предков он приготовил нетбук, положив его в небольшой саквояж.

Вроде бы все должно пройти нормально, но друзей бил внутренний мандраж. Чтобы немного успокоиться, они решили выпить для храбрости по сто граммов хорошего дагестанского коньяку. Ну, и заодно – за удачу, чтобы первое путешествие в прошлое не стало для них последним.

– Крайним, – Александр осторожно, по старой ментовской привычке поправил Антона.

Потом они облачились в непривычную и неудобную одежду – накинули сюртуки, натянули узкие штаны – панталонами их назвать ни у кого язык не поворачивался, – примерили цилиндры и, покрутившись у зеркала, полюбовались друг на друга. Выглядели они, конечно, смешно, но как будто все было на месте. Значит, пора в путь.

Антон включил аппаратуру перемещения на полную мощность. В центре комнаты появился голубоватый мерцающий круг. Сияние стало сильнее, и прибор загудел, как детский волчок. Еще одно нажатие на кнопку, и яркий, переливающийся всеми оттенками синего и изумрудного цвета круг превратился в нечто вроде окна, за которым зеленела листва и был виден кусочек голубого утреннего неба.

Вздохнув, как перед прыжком в ледяную воду, Антон сказал сакраментальное: «Поехали!» Шумилин взял за руку Алексея и шагнул вместе с ним в неизвестность...

* * *

Петербург начала лета 1840 года встретил путешественников ярким солнцем и легким ветерком. Друзья вынырнули из будущего, как и рассчитывал изобретатель, в Летнем саду, в одном из уголков зеленого лабиринта. В это время парк был практически безлюден. Лишь один раз они заметили силуэт всадника, мелькнувший из-за зеленых шпалер, – кому-то из любителей утренних прогулок в такой ранний час не спалось.

Часы Петропавловки пробили семь раз. Друзья вышли из ворот сада, полюбовались на знаменитую фельтеновскую ограду и побрели по набережной Невы в сторону Адмиралтейства. Вид на Петропавловскую крепость и правый берег Невы показался им немного непривычным. Не было «Дома политкаторжан», знаменитого «обкомовского» дома и крейсера «Аврора». Не

было и современного Троицкого, или, как его еще называли по старинке, Кировского моста. А на его месте через Неву был переброшен наплавной Троицкий мост.

Правда, выглядел он весьма нарядно. Порталы, ограждения перил, фонарные столбы были из чугуна художественного литья. Фонарные столбы сделаны в виде пучков пик, увенчанных двуглавыми орлами с венком. Декоративные чугунные и медные детали моста – позолочены, сверкали на солнце.

Времени до визита к князю Одоевскому у них еще было много, и друзья решили побродить по родному, но совершенно чужому для них городу.

Они неторопливо пошли по набережной, с любопытством осматривая Петербург 40-х годов XIX века. Все для них было в диковинку. По Неве медленно плыли парусные корабли, баржи и ялики. Лодчики на пестрых яликах за скромную плату перевозили через реку всех желающих. По булыжной мостовой цокали подкованными копытами кони-тяжеловозы, влекущие огромные фуры с грузами. Мастерской люд спешил на работу. Но и люди, принадлежащие к так называемому «приличному обществу», тоже были видны на улицах северной столицы в сей ранний час.

По Дворцовой набережной, напротив Мраморного дворца, гостям из будущего повстречался идущий не спеша навстречу высокий военный в темно-зеленом форменном сюртуке с золотыми эполетами и высокой фуражке с белым верхом и красным околышем. Военный выгуливал собаку – черного пуделя с серебристой манишкой и такими же серебристого цвета передними лапами. Подбежав к хронопутешественникам, пудель стал с любопытством обнюхивать их штиблеты и брюки.

– Гусар, быстро ко мне! – командным голосом позвал его хозяин. – Господа, – обратился он к друзьям, – не бойтесь, он не кусается...

Шумилин, у которого дома был свой пес, двухлетний ротвейлер по кличке Сникерс, собак как раз и не боялся. Он улыбнулся и, присев на корточки перед пуделем, почесал того за ухом. Пес дружески замахал хвостом с кисточкой на конце.

– А мы и не боимся, – с улыбкой ответил военному Александр, – хороший у вас пес, умный, и совсем не злой.

Военный внимательно посмотрел на Антона и Александра голубыми глазами, улыбнулся уголками губ, слегка кивнул и продолжил прогулку.

– Леха, ты знаешь, а ведь я его раньше где-то видел, – Шумилин озадаченно посмотрел на друга.

– Шурик, а ты не ошибаешься? – поинтересовался Алексей. – Ну где ты его мог видеть? В Питере? В Москве? Или во время твоей командировки в Чечню? – Потом задумался и пробормotal: – Хотя, знаешь, если честно, то и мне его лицо показалось знакомым...

Шумилин, пройдя еще шагов пять, неожиданно встал как вкопанный.

– Леха, я вспомнил – это же царь! – изумленно воскликнул он.

– Точно! Государь-император Николай Павлович собственной персоной! – сказал растерянно Алексей и, смущенно прикрыв себе рот ладонью, добавил вполголоса: – Сказал бы мне кто месяц назад, что я буду вот так вот, что называется, лицом к лицу стоять рядом с самим Николаем Первым – ни за что бы не поверил!

– Между прочим, – уже спокойно сказал Шумилин, – я читал, что у Николая отличная память на лица. А это значит, друг мой, что он нас «срисовал» и при следующей встрече обязательно вспомнит о сегодняшнем разговоре.

Они не спеша дошли до недавно отстроенного после страшного пожара 1837 года Зимнего дворца. Здание блистало свежей краской, и трудно было поверить, что совсем недавно этот великолепный дворец представлял собой обгорелую коробку с закопченными стенами, обуглившимися рамами и кучей головешек внутри.

Друзья прошли по Дворцовой площади, полюбовались на Александрийскую колонну. Потом прогулялись по бульвару, разбитому перед Адмиралтейством, – это о нем писал Пушкин: «Онегин едет на бульвар» – и с любопытством осмотрели практически достроенный, но еще не освященный Исаакиевский собор – бессмертное творение архитектора Огюста Монферрана.

У Медного всадника немного задержались, вспомнив события, произошедшие здесь пятнадцать лет назад. Да, государь-император Николай Павлович был абсолютно прав, разогнав картечью декабрьский дворянский «майдан». Какую бы кровавую заваруху устроили эти «борцы за свободу», дорвались бы они до власти! Да еще с учетом нашего российского размаха и широты души. Великая Французская революция в сравнении с Великой Российской смутой выглядела бы веселым водевилем.

Нагулявшись вволю по площади, на которой еще не было конного памятника императору Николаю I работы барона Петра Клодта, они свернули на Большую Морскую улицу, а с нее – на Невский проспект.

Главная магистраль города выглядела непривычно широкой. Вдоль мощенных плитами тротуаров в двух-трех метрах друг от друга стояли невысокие черные чугунные тумбы. По проспекту в разных направлениях двигались дрожки, коляски и кареты самых разных видов. Кареты были в основном четырехместными, на рессорах, с высокими козлами и откидной ступенькой у дверцы. Площадка сзади кузова была часто утыкана острыми гвоздями, а на некоторых каретах были закреплены обручи с остроконечными зубьями. Все это сделано было для того, чтобы вездесущие уличные мальчишки не катались на задках карет.

В Питере уже начался обычный трудовой день. Друзьям сразу же бросилось в глаза обилие военных: солдат в мундирах и офицеров в форменных сюртуках. Высшие армейские чины выделялись среди них высокими треуголками с пучком черных или пестрых перьев.

По проспекту сновали слуги, приказчики, куда-то спешили кухарки и горничные, коробейники на углах бойко рекламировали свой товар. Перед Гостиным двором на углах стояли продавцы калачей и саек, дешевой черной икры (осетры и белуги в то время еще водились в Неве), рубцов и вареной печенки. У некоторых на головах были лотки с товаром, большие лохани с рыбой и кадки с мороженым. Торговцы, лязгая замками и засовами, открывали двери лавок и магазинов.

От шума и криков торговцев у друзей с непривычки даже разболелась голова. Они решили немного отдохнуть и зашли в садик перед Александринским театром, где позднее появится памятник Екатерине Великой работы Микешина. Алексей и Александр решили посидеть на лавочке и обсудить план дальнейших действий.

Гости из будущего

Друзья стали прикидывать – как им лучше построить предстоящий разговор с князем Одоевским. Ведь надо было, ни много ни мало, «завербовать» князя. Несмотря на то что они перечитали сотни книг об эпохе императора Николая I, все равно жители XXI века были чужеродным телом в здешнем петербургском обществе. И им светила здесь роль в лучшем случае забавных иностранцев, на которых любопытно смотреть, но о чем-либо серьезном говорить с ними не следовало бы.

Чтобы стать в этом обществе своими, надо родиться в Санкт-Петербурге XIX века, вырасти, быть воспитанным английскими боннами и французскими гувернерами. А самое главное, быть своим по происхождению. Ведь все знатные дворянские фамилии Российской империи давно уже перероднились и перекумились друг с другом.

Друзья решили, что надо играть с князем в открытую и рассказать ему о том, кто они такие на самом деле и откуда явились. А дальше должны сработать природное любопытство и пытливый ум Владимира Федоровича. Этих качеств, судя по его книгам, у Одоевского было в избытке.

Алексей и Александр встали со скамейки и пошли по Невскому в сторону Фонтанки. Пройдя мимо Аничкова дворца, они свернули направо и вскоре увидели дом номер тридцать пять. Переглянувшись, хронопутешественники решительно вошли в парадный подъезд. Выскочившему навстречу швейцару Шумилин коротко бросил:

– К их сиятельству, князю Владимиру Федоровичу! Проводи нас, любезный.

Швейцар – он же секьюрити, или, как тогда говорили, привратник – профессионально, одним быстрым взглядом оценил нарядные, пошитые по последней европейской моде костюмы незнакомцев, почтительно поклонился и резво засеменил по мраморным ступенькам парадной лестницы.

– Вот здесь живет их сиятельство, – сказал швейцар, остановившись у мощной дубовой двери. Алексей кивнул ему и сунул в ловко подставленную ладонь медный семишник.

– Премного благодарен, барин, – молодец в ливрее раскланялся и радостно заспешил вниз по ступенькам. Шумилин несколько раз дернул за медную пупочку, которая заменяла в те времена звонок. За дверью забренчал колокольчик. Вскоре щелкнула задвижка, и дверь приоткрылась. На лестничную площадку вышел слуга – толстомордый парень, одетый в поношенную ливрею.

– Как доложить их сиятельству, господа? – позевывая, поинтересовался он. – И по какому делу вы изволите его беспокоить?

Александр, весело глядя на опухшую от безделья рожу лакея, с легким оттенком пренебрежения сказал:

– Передай князю, что пришли два почитателя его таланта. И непременно добавь, что прибыли они издалека.

Лакей впустил гостей в прихожую и принял у них трости, цилиндры и перчатки. Потом скрылся за дверью гостиной, и уже через пару минут вернулся и сообщил друзьям, что «их сиятельство просят господ зайти».

Алексей и Александр вошли в небольшую, но со вкусом обставленную гостиную. Князь Одоевский, мужчина средних лет, плотный, с мужественным волевым лицом, встретил их стоя у большого стола, заваленного газетами. Похоже, он только что читал местную свежую прессу.

– Добрый день, господа, – сказал князь, с любопытством и в то же время слегка настороженно разглядывая незнакомых ему визитеров. – С кем имею честь?

– Алексей Игоревич Кузнецов, медик, – представился один из них.

– Александр Павлович Шумилин, отставной поручик, – коротко кивнул второй.

– Господа, как мне доложил Иван, вы прибыли в Петербург издалека? – полувопросительно произнес Одоевский. – Я очень рад, что вы нашли время, чтобы зайти и поблагодарить меня за мои более чем скромные труды на литературном поприще.

– Именно так, ваше сиятельство, – сказал Шумилин. – Моим племянникам очень нравятся ваши сказки. И если бы вы сообразовали поставить свой автограф на одном из ваших произведений, то они были бы в полном восторге...

С этими словами Александр открыл саквояж и достал книжку. Это была сказка «Городок в табакерке», которую Шумилин купил недавно на «Крупке» – так в Питере по-простонародному называли городскую книжную ярмарку, расположенную в ДК имени Крупской.

Одоевский с интересом взял яркую книжку в синей обложке, с улыбкой прочитал ее название и начал бегло листать. Но тут же нахмурился, заметив, что с точки зрения тогдашней орфографии текст в книге набран ужасающе безграмотно.

– Господа, да что же это? – растерянно бормотал Одоевский, перелистывая книгу. И тут он увидел год издания книги – 2011-й.

Князь вздрогнул, словно его ударило электрическим током. Лицо его побледнело. Казалось, что еще чуть-чуть, и он хлопнется в обморок. Князь хотел что-то спросить у Александра, но вместо слов из его горла вырвалось лишь какое-то сипение. Наконец, Одоевский сумел взять себя в руки.

– Господа, ради всего святого, скажите – что все это значит? – жалобно спросил он гостей. – Откуда у вас эта книга? И откуда вы сами?

– Да, ваше сиятельство, вы правильно все поняли, – кивнул князь Шумилин, – мы действительно пришли к вам из будущего. С помощью изобретенной нами машины, которая может переносить людей из одного времени в другое, мы шагнули из две тысячи пятнадцатого года в год тысяча восемьсот сороковой. Мы ваши потомки, князь.

Одоевский захотел присесть и чуть было не промахнулся мимо кресла. В последний момент Шумилин успел поймать его за рукав. Плюхнувшись, наконец, в большое, обитое кожей кресло, князь изумленно переводил взгляд с одного своего гостя на другого. Потом он снова схватил детскую книжку, оставшуюся сиротливо лежать на столе, и стал ее лихорадочно листать.

– Да, именно так... – бормотал он, – нынче ничего подобного напечатать не могут... Какие краски, какие рисунки... Господа, а вы меня не разыгрываете? – со слабой надеждой в голосе спросил князь. – Может быть это просто мистификация?

– Нет, ваше сиятельство, – ответил Шумилин, – все обстоит именно так, как мы вам сказали. Мой друг сумел изобрести машину времени. И теперь мы можем путешествовать из прошлого в будущее. Помнится, вы совсем недавно напечатали роман «4338 год». Точнее, отрывок из него вы пять лет назад напечатали в «Московском наблюдателе», а второй отрывок должен выйти в альманахе господина Владиславлева «Утренняя заря»...

Одоевский, слушая Александра, снова побледнел. Алексей, внимательно наблюдавший за лицом князя, взял со стола графин с водой, наполнил стакан и протянул его Одоевскому. Тот машинально сделал несколько глотков и благодарно кивнул Кузнецову.

– Так вот, ваше сиятельство, – продолжил Шумилин, – многое из того, что было написано вами в том романе, уже существует. Мы путешествуем в космосе, летаем по воздуху, можем переговариваться друг с другом на расстоянии тысяч верст. Но у нас есть еще много того, о чем даже вы, с вашим умом и фантазией, не смогли придумать. Хотя... Возьмем, к примеру, ваш рассказ «Косморама». В этом году он должен быть опубликован в «Отечественных записках»... – Одоевский, внимательно слушавший Александра, машинально кивнул, – ...так вот, в этом рассказе речь идет о не коей таинственной детской игрушке, с помощью которой герой заглядывает в какой-то другой мир и видит различные сценки из жизни своей семьи... Я не

ошибся? – Князь снова кивнул, и Александр продолжил: – Ваше сиятельство, если вы хотите, мы можем показать вам нашу «космораму». Правда, она называется по-другому.

Одоевский вскочил на ноги так стремительно, что чуть не опрокинул стоявший на столе графин с водой.

– Господа, я буду очень рад увидеть все собственными глазами! Скажите, где она, и я велю послать людей, чтобы ее принесли сюда!

– Она здесь, – сказал Шумилин и, с видом графа Калиостро, проводящего групповой сеанс гипноза и спиритизма, расстегнул саквояж и достал из него свой нетбук. Положив тот на стол, он поднял крышку-монитор и включил питание.

Одоевский наблюдал за манипуляциями Александра круглыми от удивления глазами. А когда на мониторе появилась яркая заставка – взлетающий в небо истребитель МиГ-29, князь невольно вскрикнул от удивления.

Шумилин стал показывать князю Одоевскому фотографии Петербурга XXI века, старт космической ракеты на Байконуре, нашу планету, снятую из космоса, невиданные в XIX веке вещи – автомобили, самолеты, корабли без парусов...

Князь как замороженный смотрел на эту фотосессию. Лицо его светилось от восхищения.

– Господи... Это правда... Изумительно... Какая красота... – бормотал он при виде все новых и новых фотографий.

Минут через двадцать Шумилин прервал показ.

– Ваше сиятельство, извините, но нам пора... – сказал он. – Мы должны откланяться, чтобы успеть вернуться в наше время.

– Как, вы уже уходите? – воскликнул изумленный и донельзя огорченный князь. – А может, вы погостите у меня и расскажете немного еще о вашей жизни в далеком будущем?

– Ваше сиятельство, – сказал Алексей, разводя руками, – к нашему величайшему сожалению, это сейчас невозможно. Мы сегодня должны быть у себя, в нашем времени. Впрочем... – он вопросительно посмотрел на Александра, – если вы желаете, то мы можем вас взять с собой. Короткое путешествие, всего-то день-два. Посмотрите на все собственными глазами, а потом мы вас вернем домой. Ну как, князь, рискнете?

Разговор с попыткой взять князя «на слабо» был отрепетирован друзьями заранее. И Одоевский клянул. Он, почти не задумываясь, согласился на предложение гостей из будущего и готов был хоть сию минуту вместе с ними проследовать в 2015 год.

Быстро одевшись и взяв по совету Александра несколько книг и журналов, изданных в 1840 году, князь оставил записку супруге, которая гостила в имении родственников под Гатчиной. А на словах передал заспанному лакею, что вынужден по делам службы срочно выехать в Москву на несколько дней. Потом они втроем вышли из дома и пошли по Фонтанке в сторону Летнего сада.

Возвращение в XXI век прошло на удивление буднично. Зайдя в сад и найдя знакомый им пустынный уголок зеленого лабиринта, друзья дождались появления в воздухе голубоватого мерцающего круга.

А еще немного погодя они увидели интерьеры квартиры Антона и взволнованные лица своих друзей...

«Уважаемые товарищи потомки...»

Прибывших из прошлого путешественников друзья встретили как Юрия Гагарина после его знаменитого полета в апреле 1961 года. Антон бросился обнимать Алексея и Александра, а Коля Сергеев, который был вместе с Антоном на подстраховке и сидел в кресле у машины времени с «Сайгой» в руках, от волнения даже стал заикаться. Он повторял дрожащим голосом:

– Эт-то блестяще, эт-то восхитительно, эт-то...

Ошеломленный всем происходящим князь Одоевский скромно стоял в сторонке, с любопытством оглядываясь по сторонам. Его удивляло все: и яркий свет люстры, и непривычная мебель, а главное, машина времени, которая уже свернула временной портал, но продолжала еще работать, мигая светодиодами и издавая чуть слышное гудение.

Первым опомнился Александр. Он жестом остановил восторг своих приятелей и, повернувшись к Одоевскому, произнес:

– Друзья, хочу представить вам нашего дорогого гостя из прошлого, замечательного человека, его светлость, князя Владимира Федоровича Одоевского. Он любезно согласился быть нашим гостем.

Во время этого пышного, как кавказский тост, представления Одоевский стоял, скромно потупившись, а потом сделал полупоклон. Антон и Николай смотрели на князя, словно папуасы на телевизор. В обычной питерской квартире – живой человек из XIX века, знавший Пушкина и многих других знаменитостей. Невероятно, но все сказанное – истинная правда.

– А теперь, князь, я представлю вам моих друзей, – сказал Александр, указывая рукой на притихших вдруг присутствующих. – Прошу любить и жаловать: Антон Воронин, изобретатель и создатель этой чудо-машины.

Князь с интересом посмотрел на Антона, а Шумилин тем временем повернулся к бывшему десантнику.

– А вот, князь, Николай Сергеев, боец специального подразделения. В наше время это что-то вроде ваших казаков-пластунов. Николай храбро воевал на Кавказе с немирными горцами, был ранен, потерял глаз...

Князь Одоевский, сочувственно покачав головой, сказал:

– Это же надо так, сто шестьдесят лет прошло, а на Кавказе до сих пор воюют! Выходит, что вы так и не сумели замирить горцев?..

Александр горько усмехнулся.

– Князь, война на Кавказе в нашей истории прекратилась пленением имама Шамиля в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году. Он сдался князю Барятинскому в ауле Гуниб. А в наше время Первая война с чеченцами началась в тысяча девятьсот девяносто четвертом году. Николай воевал во Вторую чеченскую войну. Он был тяжело ранен в двухтысячном году под Аргуном.

Антон, наблюдавший за всем происходящим, вмешался в этот немного сумбурный разговор:

– Князь, у нас в ходу несколько другие обычаи, а потому я хотел бы предложить вам обходиться в разговорах без титулования. В наше время это не принято. Чтобы выказать уважение человеку, достаточно назвать его по имени и отчеству. Владимир Федорович, как вы относитесь к моему предложению?

– В чужой монастырь со своим уставом не лезут, – полушутливо сказал Одоевский и развел руками. – Господа, вы и дальше не стесняйтесь, подсказывайте мне, как надо себя вести в вашем времени.

– Вот и отлично, – сказал Антон. – Владимир Федорович, скажите, вы не устали? – Одоевский отрицательно покачал головой, и Воронин продолжил: – Тогда, если вы не возража-

ете, мы переоденем вас в то, что носят в нашем времени, и совершим небольшую прогулку по Санкт-Петербургу.

* * *

Переоделся князь довольно быстро. Во время этого действия Одоевский про себя вдоволь поудивлялся и потешился над тем, что носят потомки. Ему казались смешными джинсы, футболка, напоминающая нижнюю рубашку, и сандалеты, смахивающие на обувь итальянских лаццарони.

Наконец, экипировавшись должным образом, они вышли на улицу. Антон жил в центре города, на Гагаринской улице, называвшейся совсем недавно улицей Фурманова. Выйдя на набережную Кутузова, Антон и Александр попрощались с Кузнецовым и Сергеевым-младшим, и втроем пошли в сторону Летнего сада.

Одоевский удивлялся всему. Его изумлял поток диковинных механизмов – автомашин, – двигавшихся по набережной. Он удивленно и с трудно скрываемым осуждением поглядывал на наряды питерских дам, которые, радуясь теплой погоде, щеголяли в топиках и коротеньких шортах, открывавших соблазнительные животики и стройные ножки. Князь отчаянно краснел и старательно отводил взгляд от наиболее откровенно одетых прелестниц.

Пройдя по Фонтанке, наши друзья и Одоевский остановились у здания цирка Чинизелли, которое по явилось здесь лишь в 1877 году. До того на его месте находился цирк Турнера, который использовали в основном для театральных представлений. Князь полюбовался на фасад здания, украшенный лепниной и скульптурами.

Одоевский жадно расспрашивал Антона и Александра о том, как живут нынче люди, какие у них развлечения, верят ли они в Бога, и кто правит в России. Он был обрадован, узнав, что Петербург уже почти сто лет не является столицей России. Князь был по рождению москвичом, и хотя уже пятнадцать лет прожил в Петербурге, но так и остался горячим патриотом Первопрестольной.

На Аничковом мосту гость из прошлого долго любовался бронзовыми скульптурами юношей, укрощающих коней, работы барона Петра Клодта. В его время их еще не было. Одоевский не удержался и прошел по набережной Фонтанки до дома № 35, из которого они в 1840 году отправились во межвременное путешествие.

– Невероятно, – сказал князь, глядя на окна дома, из которых он смотрел на Фонтанку всего несколько часов назад. – Я ни за что бы не поверил в это, если бы не увидел собственными глазами.

У Гостиного двора Одоевский долго расспрашивал про толпу каких-то бесноватых молодых людей странной внешности и непонятного пола с радужными флагами в руках, которые призывали прохожих выступить в защиту «угнетенных геев, стонущих под пятой кровавого путинского режима». Антон объяснил Одоевскому, кто эти «протестуты» и чего они добиваются, стоя в пикете.

Услышав о гей-движении, князь впал в ступор. Он, конечно, слышал о содомитах, которые существовали и в его время. Но у него не укладывалось в голове, что они могут публично гордиться своим грехом и призывать нормальных людей присоединяться к ним.

В начале Невского проспекта на стене дома № 14 Одоевский увидел надпись, сохраненную с блокадных времен, о том, что «при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Князь попросил новых знакомых рассказать о том, что означает эта надпись. Александр, чьи родители провели в городе на Неве всю Блокаду, стал рассказывать о событиях Великой Отечественной войны. Одоевский был потрясен.

– Боже мой, как же это ужасно! Бомбы, рвущиеся на улицах Петербурга... Люди, умирающие от голода десятками, сотнями тысяч... Германцы, захватившие Павловск, Царское Село, Гатчину и Петергоф и разрушившие великолепные дворцы... Это просто уму непостижимо!

– Да, Владимир Федорович, все было именно так, – сказал Антон. – Это была самая кровавая война в мировой истории. Но мы, наш народ, наша страна, победили врага и заставили его подписать полную капитуляцию в Берлине.

– Господа, – тихо сказал Одоевский, – я преклоняю голову перед вашими родными, жившими и умиравшими в те страшные и славные годы. Но это ведь было через сто лет после нашего знакомства... А что происходило в России после тысяча восемьсот сорокового года? Поверьте, этот вопрос все время вертится у меня на языке, но я боюсь услышать нечто ужасное.

– Владимир Федорович, – сказал Шумилин, – судьба Российской империи в годы правления государя Николая Павловича будет изобиловать многими драматическими моментами. И самое тяжкое испытание выпадет в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году, когда на Россию нападёт вражеская коалиция, в которую войдут Франция, Британия, Турция и Сардинское королевство. Неприятель атакует владения Российской империи на Балтике, на Севере и на Тихом океане.

Но самые кровопролитные сражения развернутся в Крыму, где противник осадит Севастополь. И дело будет даже не в численном превосходстве вражеского войска, а в том, что наши враги куда лучше успели подготовиться к этой войне технически. А также в сочувствии всей прочей Европы, которая ненавидела Россию. Австрия, которую государь опрометчиво спасет от распада в тысяче восемьсот сорок восьмом году, пригрозит России ударом в спину.

– Это произойдет через тринадцать лет! – воскликнул Одоевский. – Значит, у нас еще есть время, чтобы подготовиться к вражескому нашествию.

– Да, но как сообщить об этом государю? – с горечью спросил Антон. – Ведь вы, Владимир Федорович, прекрасно знаете, что после событий четырнадцатого декабря Николай Павлович крайне подозрителен, из-за чего в штыки принимает любые прожекты, вызывающие у него неприязнь. Господа декабристы умудрились привить ему стойкую антипатию к самому слову «прогресс».

– Это, конечно, так, господа, – задумчиво произнес Одоевский, – но я мог бы попробовать довести ваши сведения до государя. Поверьте, у меня много близких родственников и хороших знакомых в окружении императора и цесаревича Александра Николаевича.

Антон и Александр переглянулись. Похоже, что князь искренне готов к сотрудничеству. Надо ковать железо, пока оно горячо. Поэтому Антон предложил Одоевскому прервать прогулку и вернуться к нему домой, чтобы в спокойной обстановке более предметно переговорить обо всем их волнующем.

* * *

Всю дорогу до дома князь Одоевский задумчиво молчал. Он ушел в себя, переваривая то, что ему довелось сегодня увидеть. Действительно, для человека из XIX века, обыденная жизнь петербуржцев XXI века – настолько сильный психологический стресс, что не каждый его сможет выдержать без ущерба для здоровья. Как говорят в таких случаях, «не каждый возвращается обратно даже из учебного полета воображения».

Понимая все это, Шумилин сразу же по приходе в холостяцкую квартиру Антона полез в бар, достал бутылку армянского коньяка и налил всем по рюмке. На закуску он порезал лимон и принес большую плитку шоколада.

Одоевский, Антон и Александр выпили бархатистый янтарный напиток. Князь выдохнул, слегка порозовел, и взгляд его снова стал осмысленным.

– Господа, что вы мне посоветуете? – спросил он. – Вы прекрасно понимаете, что когда я вернусь в свой мир, то я, как верноподданный, просто буду обязан доложить обо всем случившемся государю. Ведь я обладаю знаниями о будущем, в том числе и о том, что должно произойти с Россией в самое ближайшее время.

– Владимир Федорович, – сказал Александр, поглаживая свою короткую седую бородку, – а вы уверены, что вам поверят? Ведь после выхода в свет ваших фантастических произведений, на вас многие смотрят как на чудака, который не от мира сего. Допустим, мы дадим вам вещественные подтверждения того, что вы действительно побывали в будущем. Ну, и что это изменит? Рассеются одни подозрения, но возникнут другие...

– Так как же мне быть?! – в отчаянии воскликнул Одоевский. – Ведь нельзя же вот так, сидеть сложа руки и смотреть, как Россия катится к поражению в этой, как вы сказали, Крымской войне!

– А вот насчет сидения сложа руки – это вы правильно сказали, Владимир Федорович, – ответил Антон. – Нельзя сидеть, надо действовать. Необходимо убедить государя принять все надлежащие меры для того, чтобы суметь не вляпаться в ту войну, которая, честно говоря, вовсе не неизбежна.

Тут нужно немного подкорректировать внешнюю политику империи, в которой не всегда учитываются интересы этой империи. Ну, и следует настолько усилить наши армию и флот, чтобы у врагов и мысли бы не появилось напасть на Россию. На сильных не нападают, с сильными договариваются. – Антон прошелся по комнате из угла в угол, – Только как все это сделать, Владимир Федорович? Как убедить государя в необходимости экстренных мер? Ведь тринадцать лет, оставшихся до начала войны, – в историческом масштабе это совсем мало.

– Погодите, господа, – сказал князь Одоевский, задумчиво потирая переносицу. Владимир Федорович был человеком хотя и творческим, с развитой фантазией, но в то же время энергичным, или как тогда говорили, предприимчивым. Он быстро просчитал все варианты и с ходу предложил свое решение проблемы.

– Господа, – сказал он, – если я вас понял правильно, то вы хотите вмешаться в наши дела, чтобы мы не повторили те ошибки, которые были сделаны в вашем мире?

– Вы поняли нас правильно, – сказал Антон.

– Господа, вы задумали большое дело, – ответил Одоевский. – И вам, и мне будут нужны помощники. Вы вольны выбирать их среди своих знакомых и друзей. Мне же будет весьма непросто найти их среди своего окружения тех, кто сумеет сохранить тайну, в которую вы меня посвятили...

За разговорами незаметно пролетело время.

Уже начались знаменитые белые ночи. И когда Антон, спохватившись, взглянул на стоящие на комод часы, то с изумлением увидел, что уже далеко за полночь и пора бы подумать об отдыхе. Да и перекусить бы не мешало – с утра у путешественников не было во рту и маковой росинки.

Втроем они отправились на кухню, где Антон на скорую руку сварганил привычное холодецкое блюдо – пельмени. Попив чайку с бутербродами и поговорив еще немного, Антон, Александр и Одоевский стали готовиться ко сну. Утром предстояло провести операцию по возвращению князя домой.

Одоевский перед сном попросил у Антона что-нибудь почитать о событиях середины XIX века. Но у Воронина, в отличие от Шумилина, в библиотеке в основном были книги по электронике и физике, а исторические практически отсутствовали.

Но тут Антон вспомнил, что среди его коллекции DVD-дисков есть один, который наверняка заинтересует князя Одоевского. Антон включил видеоплеер и поставил фильм «Адмирал Нахимов» с Алексеем Диким в главной роли.

Князь, увидев на экране движущиеся фигуры людей и идущие под всеми парусами корабли, даже вскрикнул от удивления. Но потом, увлеченный сценами героической обороны Севастополя в Крымскую войну, уже не отрывал глаз от экрана.

Антон на цыпочках вышел из комнаты, оставив Одоевского наедине с фильмом о современниках. Он пошел на кухню, где его ждал Александр, чтобы поговорить об их «делах скорбных»...

Вернуться и остаться

– Ну, что скажешь, Тоха? – поинтересовался Шумилин у друга. – Как ты думаешь, князь созрел или еще нет?

– Думаю, что да, – сказал Антон, наливая себе и ему кофе. – Одоевский искренне хочет помочь России и императору. Только он пока не знает, как именно. Кстати, и мы тоже пока еще не решили – что нам следует предпринять в первую очередь.

– Тут все упирается в царя, – задумчиво сказал Шумилин, – если верить современникам, Николай Павлович был чертовски самоуверенным и упрямым человеком. И убедить его изменить что-либо очень сложно, а то и практически невозможно. Тут даже чудеса с нашими гаджетами и видеофильмами, скорее всего, мало помогут. Посмотрит, поудивляется и снова будет гнуть свое. Узнает про наши нонешние «прелести» с либерастами и гей-парадами и зажмет гайки вообще до упора. Надо придумать какой-то нетривиальный ход. Но вот какой?

– Может быть, выгащить его в наше время? – хитро прищурившись, сказал Антон. – Тут уж точно он проникнется и задумается. Но ты прав, действовать надо осторожно. Не стоит давать поводов к усугублению того, что и так давно не в порядке. Но, Шурик, пока я считаю, что с этим спешить не стоит. Кстати, я подумал – не стоит ли нам подтянуть до кучи Сергеева-старшего? Ведь Николай, наверное, уже рассказал отцу о нашем необычном госте. А Виктор здорово помог бы. Руки у него золотые, отставной офицер, и повоевать ему довелось – в Афгане, да и Чечню краешком застал.

– А что, правильно, – на лету подхватил Александр идею друга. – Я думаю, что Иваныч сам с удовольствием отправится в прошлое. Что, собственно, его тут держит? Супруга умерла год назад, Николай уже взрослый мужик, а с его автомастерской вполне справляется племян. Да и на наших дачных посиделках я по его настроению вижу, что мужику просто скучно. Знаю я старых вояк: им без адреналина – как пьянице без выпивки. Готов поспорить с тобой, что завтра, после того как сын ему все расскажет, он примчится к тебе.

– Спорить не буду – точно проиграю, – весело ответил другу Антон. – Так, скорее всего, и будет. А пока пора спать. Завтра будем возвращать князя домой. Кстати, как он там?

– Сейчас гляну, – Шумилин приоткрыл дверь в коридор. Он заметил, что в спальне, где они оставили Одоевского, горит свет. – Наверное, не нашел выключателя, – сказал Александр, – пойду вырублю.

Но заглянув в спальню, он увидел, что князь и не думал ложиться. Фильм давно кончился, экран погас, а Одоевский все сидел в кресле у окна, завернувшись в плисовый плед, и задумчиво смотрел на пустынную улицу, по которой, разбрызгивая воду, ехала поливальная машина.

– Владимир Федорович, – тихо сказал Шумилин, – а почему вы не спите? Ведь время уже позднее...

– Александр Павлович, а как вы полагаете, можно ли уснуть после того, что я увидел? – вопросом на вопрос ответил Одоевский. Он тяжело вздохнул и сказал: – Бедная Россия, сколько ей досталось в девятнадцатом веке – нашествие Наполеона, войны с Персией и Турцией, мятеж в Польше... А тут еще эта несчастная Крымская война. Неужели все так и было, как показано в этом, как вы его назвали, фильме?

– В жизни было еще страшнее, – тихо сказал Александр. – У сестры вашего деда, Ивана Васильевича Одоевского, у Варвары Ивановны Трубецкой, двенадцать лет назад родился правнук, Левушка Толстой. В конце ноября тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года он добровольно отправился в Севастополь, где почти шесть месяцев провояет на знаменитом Четвертом бастионе. О впечатлениях от увиденного Лев Толстой напишет позднее в своих «Севастопольских рассказах», которые будут напечатаны в журнале «Современник». Я дам

вам их почитать. В них запечатлена страшная правда той войны, о которой еще никто никогда так не писал.

– Да-да, это очень интересно, – оживился князь, – надо будет обязательно съездить в гости к Толстым и посмотреть на будущего писателя.

– Только вот как сделать, чтобы Россия обошлась без этих новых потрясений? – задумчиво сказал Александр. – Ведь самой Крымской войной ужасы того времени не исчерпываются. Была еще и угроза войны со всей Европой, и признание поражения, и позорный Парижский трактат, на долгие пятнадцать лет выбивший Россию из числа ведущих европейских держав. Были потом и другие несчастья, о которых вам пока лучше не знать.

Вообще же Крымская война внушила нашим отцам-командирам некоторый пиетет перед Европой. На целых девяносто лет воцарилось мнение, что лапотная Россия никогда не сможет победить цивилизованную Европу. В победном мае тысяча девятьсот сорок пятого эти иллюзии были развеяны в прах. Но знали бы вы, Владимир Федорович, чего нам это стоило.

Представьте, двадцать семь миллионов погибших на войне, умерших от голода и ран, замученных в плену. От Петра Великого и до наших дней Россия вынуждена содержать огромную армию только потому, что из Европы в любой момент может прийти беда. То Карл Двенадцатый, то Фридрих Великий, то Наполеон, то его сводный племянник Наполеон Третий вкупе с королевой Викторией.

Потом опять немцы с австрийцами, потом снова они, потом господа англосаксы, науськивающие на нас своих европейских шавок, – Шумилин махнул рукой. – Знаете, порой мне кажется, что Европа так любит воевать, что только под скипетром русского царя в ней, наконец, настанет вечный мир.

Одоевский вздрогнул.

– Так вы хотите сказать... что мы должны...

– Ничего я не хочу сказать, – вздохнул Александр. – Решать такие вопросы может лишь государь, а он пока вполне доволен существующим положением дел. Когда же он поймет, что на самом деле в империи дела идут не так блестяще, как ему кажется, то будет уже поздно.

Ну, а что касается нас, то следует учесть, что ресурсы нашей компании весьма ограничены. Ведь мы не представляем государство, и за нашей спиной не встанут, блистая оружием, ряды победоносных полков. При наличии определенного количества презренного металла, конечно, можно наберечь специалистов и закупить немного современного оружия. Но мне кажется, что в случае серьезных испытаний даже это не поможет. Проблемы России куда фундаментальней. Я вот уже битый час сижу, гадаю, с какого конца к ним подступиться, но пока ничего придумать не могу.

– Владимир Федорович, – присоединился к разговору пришедший с кухни Воронин, – дело это сложное, тяжелое и чреватое большими неприятностями, если о нашем иновременном происхождении узнают. Например, кто-нибудь из учреждения, возглавляемого Леонтием Васильевичем Дубельтом. Еще хуже, если о нас пронюхают заморские любители совать нос в чужие дела. Мы знаем, что агенты недружественно настроенных к России государств быстро сообразят – какую опасность для их хозяев мы представляем, не остановятся ни перед чем, чтобы нас не было в вашем времени.

Я полагаю, что нам надо найти дорожку к сердцу государя. Это сложно, но возможно. Николай Павлович помнит добро и не чужд благородства. Но время, время...

Это только кажется, что его много. При той чиновничьей волоките, которая царит в присутственных местах империи, любой, даже самый неотложный вопрос будет решаться годами. Поэтому надо получить доступ к государю. И в то же время сохранить в секрете все, что с нами связано.

– Да, господа, задали вы мне задачу, – с грустной улыбкой сказал Одоевский, – но, с божьей помощью, мы попытаемся ее решить.

Что вы можете дать мне с собой в прошлое? Я понимаю, что многие сложные механизмы у нас просто не будут работать. Да и пользоваться ими можно будет с оглядкой, дабы не привлечь лишнего внимания. Неплохо, если я возьму несколько книг, те же, еще не написанные «Севастопольские рассказы»...

– Хорошо, я соберу вам посылочку от потомков, – улыбнувшись, сказал Антон. – Но она будет готова только завтра. Впрочем... – Антон задумался и вышел в гостиную, где стояли книжный стол и секретер.

Шумилин же, порывшись в своей сумке, достал гелевую ручку и набор открыток с видами Петербурга. Он купил их несколькими днями ранее, чтобы послать своему другу в Махачкалу. Но так и забыл выложить из сумки. Протянув все это Одоевскому, Шумилин сказал:

– Эта ручка намного лучше тех перьев, которыми вы пишете. А открытки пусть напомнят вам, Владимир Федорович, о сегодняшнем путешествии по нашему городу.

Из гостиной пришел Антон с пластиковым пакетом. Там лежало несколько книг.

– Вот. Все, что мне удалось найти, – сказал он. – Правда, орфография у нас несколько другая, но я думаю, вы разберетесь. И еще, вот, возьмите на память, – Антон протянул Одоевскому несколько фотографий, сделанных на цифровую «мыльницу» во время сегодняшней прогулки. Князь, одетый в джинсы и футболку с надписью «Зенит», в синей бейсболке, был заснят на Дворцовой площади и у клодтовских коней на Аничковом мосту, а также у своего дома на Фонтанке. Одоевский так увлекся созерцанием неизвестных ему питерских достопримечательностей, что и не заметил, как его запечатлели на цифровик. Антон успел сбросить отснятое им на комп и распечатать фото на цветном принтере.

Князь с удивлением посмотрел на свои изображения, потом улыбнулся и бережно спрятал фото в пакет.

Ну, а потом началась подготовка к эвакуации в прошлое. Одоевский переоделся, взял пакет с подарками в руку и стал ждать. В воздухе появился изумрудный сгусток, постепенно превратившийся в межвременной портал.

Пожав руки потомкам, князь решительно шагнул в прошлое и уже оттуда помахал им рукой.

– До встречи, господа, – услышали они его голос, – жду вас завтра у себя!

Потом портал захлопнулся, и Антон с Александром остались вдвоем в обычной питерской трехкомнатной квартире XXI века.

Муж да жена – одна сатана

Князь увидел, как сияющий овал, через который он только что перешагнул из будущего, потускнел и исчез. Оглянувшись, он обнаружил, что находится в тупике одного из зеленых лабиринтов Летнего сада. Одоевский внимательно прислушался. В саду было тихо.

Князь осторожно выглянул из лабиринта. Стояло раннее петербургское утро. В кустах чирикали птицы, а над Невой истошно галдели чайки. На главной аллее Летнего сада показался дворник с метлой в руке. Одоевский посмотрел на матерчатый мешок, в который его новые знакомые сложили свои подарки, и прикинул, что идти с ним домой как-то не совсем прилично. Любой встретившийся ему по пути знакомый будет очень удивлен тем, что князь, словно простой мужик, тащит мешок под мышкой. Одоевский подозвал садовника. За пятак тот согласился отнести поклажу в дом князя на Фонтанке. Благо идти было недалеко.

На выходе из сада Одоевский неожиданно нос к носу столкнулся с Николаем I, который в этот ранний час выгуливал своего пуделя.

– Доброе утро, князь, – вежливо поздоровался император, коснувшись пальцами козырька своей фуражки.

– Доброе утро, ваше величество, – ответил Одоевский, снимая цилиндр. – Не правда ли, сегодня превосходная погода?

– Вы правы, князь, действительно погода сегодня просто замечательная, – ответил государь, – и я вижу, что вы тоже любите ранние прогулки. Это хорошее дело – с утра совершить небольшой променад. Потом целый день отличное настроение, да и работа спорится.

Садовник, тоже узнавший царя, положил на землю мешок и, проворно сняв с головы картуз, почтительно поклонился самодержцу.

– А что это у тебя, братец, такое? – поинтересовался у него государь.

– Так, это, ваше величество... – браво ответил ему садовник, – значит, их сиятельства попросили отнести к ним домой...

– А, ну тогда ладно, – ответил царь, находящийся с утра в хорошем расположении духа, – ступай. И вы, князь, тоже ступайте. Вижу, что вы спешите домой. Да, не забудьте передать мой поклон супруге вашей, Ольге Степановне.

Царь подобрал с земли веточку и, помахав ею перед носом заскучавшего было пуделя, широко размахнувшись, забросил ее за зеленую шпалеру. Гусар с веселым лаем помчался ее искать, а царь, кивнув на прощание, отправился вслед за псом.

«Фу... Слава богу, обошлось, – подумал Одоевский, вытирая тонким батистовым платочком вспотевший лоб, – ведь если бы государь поинтересовался, что у меня в мешке, я бы не посмел ему солгать. И тогда...»

Что было бы тогда, Одоевскому даже думать не хотелось. Он в любом случае собирался посвятить императора в эту историю, но пока делать это, по его разумению, было преждевременно. Так что князь еще раз возблагодарил Господа за проявленную к нему милость.

Дойдя до парадного подъезда своего дома, князь велел садовнику занести мешок в квартиру. Дал ему обещанный пятак, дождался, когда за тем захлопнется входная дверь, и только тогда почувствовал, как устал. Вчерашние открытия нового мира, дневная прогулка по Петербургу XXI века, а самое главное, бессонная ночь и раздумья о судьбах России, не могли не отразиться на его самочувствии.

Лакей, с удивлением наблюдавший за происходящим, почтительно сообщил князю, что «княгиня вчера приехала и очень удивилась, не застав ваше сиятельство дома». Горничная же княгини, вышедшая из спальни, сказала, что Ольга Степановна уже проснулась и скоро выйдет к нему.

Князь ждал супругу в гостиной. Машинально он посмотрелся в большое овальное зеркало, висевшее в комнате, и остался недовольным своей внешностью. Выглядел князь действительно неважно – лицо осунулось, глаза покраснели. Все это должно было насторожить и встревожить княгиню. Ольга Степановна была старше мужа на семь лет и порой относилась к нему не как любящая супруга, а как старшая сестра, или даже как заботливая мать.

Впрочем, княгиня, несмотря на свои сорок три года, выглядела очень молодо. За южную красоту ее часто называли «прекрасной креолкой». До замужества Ольга Степановна была фрейлиной вдовствующей императрицы Елизаветы Алексеевны.

Женщина умная и образованная, она любила бывать в обществе писателей и музыкантов, которые весьма ценили ее мнение. Не далее как несколько недель назад опальный поэт и поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Лермонтов перед отъездом на Кавказ подарил ей первую часть своего только что написанного романа «Герой нашего времени» с посвящением, в котором благодарил княгиню за помощь и внимание к его литературным трудам.

Княгиня была удивлена и немного рассержена. Неожиданный отъезд супруга с какими-то незнакомыми людьми стал для нее неприятным сюрпризом. Она в общем-то не подозревала мужа в супружеской измене. Но ей все же было неприятно то, что у князя появились от нее какие-то секреты. Поэтому Ольга Степановна решила откровенно поговорить с мужем и узнать, где он был и что делал.

Князь Одоевский не нашел в себе мужества солгать супруге. На ее прямой вопрос он рассказал без утайки обо всех событиях последних суток.

Поначалу княгиня считала, что супруг просто переутомился от литературных трудов или тронулся умом и принимает свои книжные фантазии за реальность. Но князь раскрыл мешок. На столе в гостиной появились вещи, которые не могли, ну просто не имели права существовать...

Сказать, что княгиня была потрясена, это значит ничего не сказать. Особенно ее удивили открытки с видами хорошо знакомых ей мест, которые были абсолютно не похожи на то, что она видела каждый день. А окончательно добили княгиню фотографии ее мужа в немного смешной и, с ее точки зрения, не совсем приличной одежде на фоне Зимнего дворца (тот она сразу узнала), и у незнакомых, но очень красивых скульптур, изображавших юношей, укрощающих коней, а также его фото рядом с домом, в котором они жили. Но выглядел дом совсем по-другому, и у его ворот стояла какая-то удивительная повозка.

Ольга Степановна с удивлением листала книги с красивыми иллюстрациями и странной, непривычной орфографией. Авторы этих книг были княгине абсолютно незнакомы.

– Этого не может быть, – растерянно бормотала она. Но разум подсказывал ей, что все происходящее – реальность.

Князь же продолжал свой рассказ о новых знакомых, жителях XXI века. Чем больше он говорил, тем больше княгине хотелось увидеть все это своими глазами. И приняв решение, Ольга Степановна дождалась, когда князь сделает паузу, чтобы перевести дух, после чего твердо заявила ему:

– Дорогой, я должна обязательно побывать в том мире! Когда, ты говоришь, они снова появятся у нас? Завтра? Так вот, завтра мы с тобой отправимся в будущее.

Князь от этих слов супруги даже поперхнулся.

– Душа моя, – сказал он, – но ведь там свои порядки, отличные от наших, другие моды, другие нравы. Многие из них совсем даже неприличные.

Тут Одоевский неожиданно вспомнил вчерашних содомитов у Гостиного двора, которые обнимались и целовались друг с другом на виду у проходящих мимо людей. Его даже передернуло от отвращения.

– Ну и что, – капризно надула прекрасные губки княгиня, – ведь ты же сам говорил, что люди из будущего воспитанные и умные. Думаю, что они не позволят себе вести себя неприлично в нашем присутствии.

Одоевский вспомнил восточную пословицу: «Тот, кто спорит с женщиной, тот укорачивает свой век». Он махнул рукой и сказал, что пусть будет так, как хочет супруга.

На радостях Ольга Степановна чмокнула мужа в щеку и начала снова расспрашивать его о том, как живут люди в Петербурге XXI века...

Глава 2

Десант из будущего

Что бы мы делали без армии...

Как и предполагал Антон, друзья, едва успевшие часика два покемарить на диване, были разбужены звонком в квартиру. Перед их спросонья мутными глазами нарисовался Виктор Иванович Сергеев собственной персоной. Отставной майор-танкист, бывший зампотех танкового батальона, успевший хлебнуть лиха за четверть века своей службы Родине. Он воевал и в Афгане, и в Чечне. На память о новогоднем ночном штурме Грозного у Сергеева остался шрам на лбу и пара осколков в ноге, из-за чего старый вояка иногда слегка прихрамывал.

Похоже, что Никола раскололся как орешек – на две половинки, и слил папаше всю информацию об изобретении Антона, а также о визите в наше сумасшедшее время живого князя Одоевского. И Виктор Иванович с утра пораньше, умирая от любопытства, примчался в квартиру Антона.

Но князя уже не было. А единственным документальным свидетельством его визита стала стопка литературных журналов издания 1839–1840 годов да сборник сказок Одоевского с длинным и малопонятным для человека XXI века названием: «Пестрые сказки с красным словом, собранные Иринеем Модестовичем Гамозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданный В. Безгласным». И что самое ценное, с автографом князя, сделанным, правда, не гусиным пером, а обыкновенной шариковой ручкой.

Сергеев долго листал журналы, даже зачем-то принялся к запаху, исходившему от их страниц, потом полюбовался на автограф князя, после чего сказал категорическим тоном:

– Ребята, как хотите, но я должен побывать там!

– Мы и так все там будем, – зевая, философски изрек Шумилин, с утра успевший выпить пару рюмочек коньяка и настроившийся на меланхолический лад.

– Да ладно тебе, балабол, – буркнул Сергеев, – я о другом. Мне обязательно надо побывать в прошлом. Колька сказал, что вы попали в тысяча восемьсот сороковой год. А там рукой подать и до Крымской войны.

– Угу, – сказал Александр, – как говорят артиллеристы – недалет. Сказал тоже – до Крымской войны! Два лаптя по карте. До Третьего Восточного кризиса и начала боевых действий еще лет двенадцать. И кстати, что тебя в той войне так заинтересовало?

– Знаешь, Шурик, – уже спокойным тоном сказал Виктор, – у нас в роду вот уже полтора века все мужчины – военные. Могу поименно перечислить. А началась наша династия служивых с фельдфебеля Селенгинского пехотного полка Харитона Осиповича Сергеева, который дрался в Крыму с англичанами и французами под Инкерманом, а потом и в Севастополе, под знаменами генерала Хрущева.

– Ты, Тоха, морду-то не криви, – сказал Сергеев, заметив брезгливую ухмылку на физиономии Воронина, – Хрущевы ведь разные были. Александр Петрович за храбрость был награжден золотым оружием с бриллиантами, а это, чтобы ты знал, редкая награда. Именно он последним из русской армии перешел через наплавной мост, покинув Северную сторону Севастополя.

Так вот, сейчас разговор будет о моем предке. На Селенгинском редуте он получил ранение в грудь и чудом остался жив. Спас его замечательный хирург Николай Иванович Пирогов. Наверное, слышал о таком. Фельдфебель Сергеев, награжденный за храбрость двумя солдатскими Георгиями, как «севастополец» получил льготу, и сын его окончил начальную школу и реальное училище. И дослужился потом до «мокрого прапора» – был такой чин в Морском

ведомстве. Иван Харитонович Сергеев поучаствовал в войне за освобождение Болгарии. Служил он на пароходе «Великий князь Константин» под командованием самого Степана Осиповича Макарова. Вот так и началась наша военная династия.

– М-да-с, – сказал Шумилин, – только я не совсем понял, Витя, ты хочешь в прошлом найти своего предка? А зачем?

– Хочу посмотреть на него, понять, что это были за люди такие, – задумчиво сказал Сергеев, – ведь все, что у нас и в нас – это их заслуга. Знаешь, Шурик, я человек военный и не люблю болтовни, которой наслушался от замполитов, начиная еще с военного училища.

Только вот запомнились мне, дружище, слова, кровью сердца написанные замечательным писателем и участником Великой Отечественной войны Валентином Саввичем Пикулем. Они запали мне в душу, да так, что я их выписал и перечитываю время от времени, чтобы не впасть в наше нынешнее всеобщее обыдление.

Сергеев достал из кармана куртки записную книжку, раскрыл ее и стал читать, хотя по лицу было видно, что слова эти он выучил наизусть.

«Никогда не думай, читатель, что история – это только история. Давнее нашей земли и нашего народа удивительно сопряжено с нашим сегодняшним днем.

Не верь тому, кто скажет тебе:

– Это нам не нужно... Это история!

Иногда люди не понимают, что история – это и есть наша современность.

Нельзя изучить современную жизнь и познать ее политические требования к нам – без знания истории! Если человек говорит: “Я знаю историю”, – это значит, что он знает и современность. Если человек говорит: “Я знаю только современность”, – это значит, что он не знает ни истории, ни современности!

Из ничего ничто и не рождается.

Были люди до нас, теперь есть мы, будут и после нас. Воин русский на поле Куликовом – это воин при Кунерсдорфе. Воин при Кунерсдорфе – это воин на поле Бородинском. Воин на поле Бородинском – это воин на Шипке. Воин на Шипке – это защитник Брестской крепости...

Изменились идеи, другими стали люди. Но родина у них по-прежнему одна – это мать-Россия; и во все времена кровь проливалась во имя одного – во имя русского Отечества. Мы не провожали в поход павших на поле Куликовом. Не нас разбудили рыдания Ярославны. Мы не знаем имен замерзших на Шипке...

И все-таки мы их – знаем! Да, мы их помним, мы их видим, мы их слышим, мы их никогда не забудем. Ибо это наши предки, читатель. В истории есть голос крови.

Этот голос ко многому нас обязывает. Не будем искать славы для себя.

Мы говорили в дни Батые,
Как на полях Бородина:
Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена!»

Сергеев захлопнул блокнотик, спрятал его в карман и тихо сказал:

– Вот видишь, Тоха, почему мне надо быть там. Как Саввич говорил – «голос крови». Считай, что это он меня туда зовет...

– Да, Иванович, – сказал Шумилин, – ты прав, как всегда. И что бы мы делали без нашей армии? В общем, давай как следует подумаем, что и как мы можем сделать в прошлом. Чем мы сможем быть полезными предкам?

– Шурик, ты меня извини, – сказал Антон, – но сделать что-то полезное можно лишь после того, как мы переберемся туда на ПМЖ. А так, набегами и наездами, мы ничего путного не сделаем. Межвременной туризм с элементами межвременной фарцовки. Это не по мне. Конечно, связь с нашим временем терять нельзя, но придется нам стать «засланными казачками» в девятнадцатый век.

– В общем, так, ребята, – сказал Сергеев, подводя черту этой несколько сумбурной дискуссии, – давайте сядем рядком, поговорим ладком. Антон, достань лист бумаги, завари кофе покрепче, сейчас наведем резкость, покумекаем и составим план дальнейших действий. Мы, люди военные, планировать любим больше, чем бывшие партийные чиновники. Кстати, Антон, когда у тебя следующая встреча с Одоевским?

– Завтра ждем их сиятельство, – ответил Воронин, – обещал быть как штык. С нетерпением готовимся к новой встрече с предком.

– Вот и замечательно, – сказал Виктор, – попили кофе? Тогда почнем, помолясь. Антон, давай пиши: пункт первый – наладить надежную работу машины времени. Проэкспериментировать – какую максимальную массу может пропустить портал в один замес... Ответственный – Антон Воронин.

Пункт второй – о финансировании наших работ...

Цели определены. Задачи поставлены. За работу, товарищи!

Мозговой штурм на квартире Антона продолжался часа три. Потом его участники выдохлись и еще раз попили кофейку. Затем Сергеев как инициатор всего происходящего подвел черту. Он разложил на столе исписанные и исчерканные шариковой ручкой листы бумаги и сказал, обращаясь ко всем участникам совещания:

– Итак, что мы имеем в остатке? Начнем по порядку. Пункт первый – машина времени. Кстати, Антон, звучит это как-то... Давай будем ее называть по-другому. Например: аппарат, агрегат, прибор, установка... Выбирай сам.

– Пусть будет Агрегат, – ответил Антон, – вполне нейтрально, и для постороннего непонятно – о чем собственно идет речь.

– Хорошо, – согласился Виктор, – установлено опытным путем, что Агрегат может перемещать во времени три человека зараз. А больше может?

– Ну, может, еще одного, но больше – вряд ли, – сказал Антон. – И так машина – пардон, Агрегат – работает на пределе своей мощности. Тут все упирается в проводку. В самый ответственный момент могут накрыться предохранители, или полетит что-то в энергопитании дома. И будет мне в дверь ломиться местный Бунша с воплями: «Товарищ Воронин, прекратите свои хулиганские опыты...»

– Угу, – сказал Сергеев, – а что, если тебе перевезти твой Агрегат в мою автомастерскую? Там с энергопитанием получше. Сам знаешь, у меня там тельферы, станки, мойка. Освобожу для тебя один из боксов, он все равно пустует. И будем работать оттуда. Шурик, ты помнишь, где находится моя мастерская? – спросил Сергеев у Шумилина.

Тот кивнул и ответил:

– На Энгельса, рядом с парком Лесотехнической академии. А что, это так важно?

– Важно, дружище, важно, – с улыбкой ответил Виктор. – Ты помнишь, какая станция пригородной электрички находится поблизости?

– Вроде «Ланская», – ответил Шумилин. И тут до него дошло: – Витек, ты гений! В сороковые годы девятнадцатого века эта местность принадлежала графам Ланским. А жена князя Одоевского, Ольга Степановна, в девичестве – Ланская!

– Именно так, – воскликнул довольный Сергеев, – можно построить что-то вроде амбара на землях ее кузена и без лишнего шума отправлять из прошлого в будущее, и наоборот – людей и грузы. У меня в мастерской можешь сварганить и агрегат помощнее, и завозить ко мне любые вещи. Естественно, с моего разрешения, – Виктор хитро прищурился.

– Вы все такие умные, а я, выходит, дурак, – язвительно сказал Антон, – есть и у меня мысль о том, как перебрасывать в прошлое крупные вещи. Помните, я ездил к своему знакомому в Кировск? Ну, он мне еще помог советами по Агрегату...

– Помним, – ответил за всех Шумилин, – только ты, Тоха, не тяни kota за хвост, прямо скажи, что придумал. А то и так от говорильни голова болит...

– Так вот, мой знакомый рассказал о природном феномене, который существует в тех местах. Дескать, есть там роща, бывшее языческое капище, в которой порой происходят странные вещи. Ну, люди пропадают, а потом появляются в другом месте, за сотни верст от этой рощи. И все прочее из репертуара журнала «Тайны XX века».

На днях я сделал прибор, который назвал «время-детектор». Он фиксирует места, где имеются природные «пробои во времени». Не поленился, проверил «кировский феномен». Оказывается, есть там некий канал между прошлым и будущим, который можно будет использовать для мобильной межвременной переброски предметов. Установим, скажем, Агрегат в автофургончике. Работать он будет от бортовой сети. И вместе с грузовиком, в котором скла-

дированы товары, предназначенные для отправки в прошлое, мы подъезжаем к этим Красным Соснам – так называется то место.

Включаем Агрегат, получаем пробой во времени и оказываемся там, где нам надо. Конечно, надо будет поэкспериментировать, но по моему разумению, все должно быть именно так.

– Ладно, Тоха, ты давай действуй, – сказал после некоторого раздумья Сергеев, – если будет все так, как думаешь, то это просто замечательно. Можно будет доставлять в прошлое многое из того, что нам понадобится для выполнения нашей миссии.

Ну, а теперь переходим ко второй фигуре марлезонского балета. Как ты понимаешь, Антон, твои компьютеры и прочие электронные девайсы, а также прочие хиты из будущего там будут не востребованы. Хотя бы из-за отсутствия электросетей. Правда, в тысяча восьмисотом году итальянец Вольта изобрел первую батарейку, а спустя два года наш соотечественник Павел Львович Шиллинг продемонстрировал государю-императору изобретенный им электромагнитный телеграф. Но это пока все на уровне балаганных бородатых дев и заспиртованных русалок. Забавно, занятно, но...

Мои авто тоже пока не катят. Паровые дилижансы, правда, уже разъезжают по дорогам Британии, но это тоже больше экзотика. А вот локомобили – то есть стационарные паровые машины, приводящие в действие, к примеру, мельницу или пилораму, – уже существуют. Я думаю, что нам они будут необходимы хотя бы для того, чтобы получать электроэнергию для наших приборов. В конце концов, для динамо все равно, кто вращает его вал – бензиновый двигатель или локомобиль. Да и для нашего хозяйства – а мы обязательно его там заведем – механизация не помешает.

– Ясно, – сделал пометку в блокноте Шумилин, – насчет генераторов я кое с кем переговорю. И вот еще что... Есть у меня одно предложение.

Знаете, изучая роспись государственных расходов Российской империи в годы царствования императора Николая Павловича, я был просто ошеломлен тем, сколько его дражайшая супруга Александра Федоровна тратила на всякие там парфюмы, модные наряды и украшения. А сколько уходило на те же цели средств из личных сумм великих княжон! Я уже не говорю о том, сколько тратили на заморские духи, помады и прочие там пудры представительницы высшего света Российской империи.

Вот я и подумал, что можно будет ввозить в прошлое наш современный парфюм. Шампуни, дезодоранты, духи, туши и тени, помада – да за это за все любая тамошняя кокетка отдаст не только кошелек, но и душу. Вот только не знаю, куда эту душу девать. Я, конечно, в этом деле разбираюсь не очень, но у нас есть одна красавица, которая может стать бесценной помощницей во всех наших делах...

– Уж не об Ольге ли Румянцевой ты говоришь? – спросил у Шумилина Антон. – А что, идея интересная. Надо будет с ней переговорить. Думаю, что она не откажется оказаться во времени, о котором мечтала всю жизнь.

– Без нее все равно не обойтись, – сказал Сергеев, – ведь нам еще понадобится одежда той эпохи. А дамочка она сообразительная – и без нас обо всем догадается. Так что лучше будет подключить ее к нашему делу как можно быстрее, пока она без спроса не подключилась к нему.

– Знаешь, Шурик, – сказал Виктор, – а твоя идея со всеми этими дамскими штучками мне нравится. Оно даст нам возможность неплохо заработать, обозначиться в девятнадцатом веке, завести нужные знакомства.

И еще. Я считаю, что мне в самое ближайшее время следует отправиться в прошлое, чтобы легализоваться там и начать создавать базу. Собственно говоря, здесь меня уже ничего не держит. Колька уже взрослый, Маша моя умерла, царствие ей небесное, – Сергеев достал платок и шумно высморкался, незаметно смахнув предательскую слезу, – ну, а с автомастерской пока вполне справятся сын и племян. А смотреть на нынешний наш бардак мне уже,

если честно сказать, поднадоело. Думаю, что с князем мы вполне поладим, он сведет меня с нужными людьми.

– Ну, значит, так тому и быть, Иваныч, – сказал Шумилин, – давай, приходи завтра, познакомишься с князем, покалякаешь с ним о том, о сем. Думаю, что вы друг другу понравитесь. С Ольгой же я встречусь лично и побеседую с ней откровенно. Наверное, даже сегодня.

А еще у меня есть одно предложение. Забыли вы все о другой нашей задумке. Надо будет переговорить с Лешей и предложить ему тоже перебираться в прошлое насовсем. Я слышал, что у него сейчас какие-то нелады с начальством и работать ему в клинике стало совсем невозможно. Тем более, он со мной уже побывал в прошлом.

Пусть он отправляется в XIX век вслед за Виктором и там займется врачебной практикой. Я думаю, что с его знаниями и опытом он станет кем-то вроде Парацельса и Авиценны в одном флаконе. Его будущими пациентами вполне могут оказаться те, кто решает многие вопросы в империи. Думаю, что никто не будет возражать мне, что это очень важно?

– Отлично, – сказал Антон, – разговор с Лехой я беру на себя. Вроде все утрясли, ничего не забыли... А теперь, как говорили раньше на партсъездах, цели определены, задачи поставлены – за работу, товарищи!..

Шерше ля фам!

Шумилин, как и обещал друзьям, сразу же после совещания отправился на Лиговку к Ольге Румянцевой, своей знакомой «кузине-белошвейке». По дороге он забежал в магазинчик на Владимирском проспекте и купил небольшой бисквитный торт к чаю.

Ольга встретила его радушно. Помимо чисто коммерческих взаимоотношений их связывала старая дружба, правда так и не дошедшая до совместного возлежания в постели.

Хозяйка тут же подхватила торт, унесла его на кухню и там загремела посудой и чайником. Потом вышла в комнату и стала наблюдать за тем, как Шумилин с любопытством рассматривает висящие на манекенах костюмы-новodelы.

– Что, нравится? – с гордостью спросила она, а потом поинтересовалась: – Да, кстати, а как там мое шитье, пригодилось?

– Угу, – буркнул Александр, вращая манекен, наряженный в гусарский мундир, – это ты кому красоту такую построила?

– Да есть тут один реконструктор, – хихикнула Ольга. – Хочет выглядеть поручиком Ржевским. Только ни осанки у него, ни выправки. В мундире смотрится как клоун коверный. Шпоры носит, а к лошади не знает, с какой стороны подойти. Правда, денег у него куры не клюют.

– Да, кстати, – сказал Шумилин, – я тут тебе подарочек принес, – и он достал из дипломата несколько журналов, подаренных князем Одоевским.

– Ой, Саша, да это подлинный «Современник», а это «Отечественные записки»! – воскликнула удивленная Ольга. – Спасибо тебе большое! И состояние у них прекрасное, словно только вчера напечатали! Слушай, а может, это репринтное издание?

– Нет, не репринтное, а подлинное, – с усмешкой ответил ей Шумилин. – А ты вот на это взгляни, – и он протянул Ольге сборник сказок Одоевского с автографом князя.

– Да где же ты взял все это?! – удивленно сказала хозяйка. Потом еще раз внимательно посмотрела на обложку, прочитала то, что на ней было написано, и глаза ее стали по девять копеек.

– Слу-у-у-шай, да ты что, в прошлом побывал? – изумленно пробормотала Ольга. – Знаешь, я вообще-то подумывала о чем-то подобном еще тогда, когда ты те костюмы заказывал... Ой, Сашка, да что ж теперь будет-то?!

– А ничего не будет, – спокойно сказал Шумилин. – Ты права. Антоха – ты должна его помнить, это мой одноклассник, шепутной такой, так он и в самом деле изобрел машину времени. И уже испытал ее. Причем успешно. Я позавчера побывал в тысяча восемьсот сороковом году, а потом князь Одоевский нанес нам ответный визит. Вчера мы с их сиятельством гуляли по Питеру. Впечатлений у него было выше крыши. Обещал нас завтра навестить...

На кухне засвистел закипевший чайник. Ольга бегом бросилась туда, крикнув на ходу Александру:

– Пошли пить чай, заодно расскажешь, как вы дошли до жизни такой...

После того как торт был съеден, чай выпит, а Шумилин закончил свое повествование, воодушевленная донельзя Ольга немедленно потребовала, чтобы ее тоже срочно отправили в прошлое. Хоть с князем вместе, хоть одну. Никаких возражений она и слышать не желала.

– Терпение, мой друг, терпение, и ваша щетина превратится в золото, – попробовал отшутиться Александр. Но Ольга была упряма, как все женщины.

– Ты должен обязательно познакомить меня с князем и его супругой, – упрямо твердила она. – Я хочу увидеть все своими глазами...

– Вообще-то, Ольга, я для этого к тебе и пришел, – уже серьезно сказал Шумилин. – Дело в том, что мы – то есть я, Антон, Виктор и, возможно, Алексей – собираемся, если так можно выразиться, эмигрировать в девятнадцатый век. И ты должна нам в этом помочь.

– Я вообще-то никогда не отказывала в помощи друзьям, – обиженно сказала Ольга, – только что я могу? Ну, сшить костюмы, проконсультировать вас насчет одежды. И все, пожалуй...

– Ну, скажем, и это для нас немало, – ответил ей Шумилин, – но к тебе есть другое предложение. Мы тут прикинули, что нам там нужны будут финансы. А где их взять? Посему решили заняться межвременным «контрабасом» и ввозить туда парфюм и прочие женские штучки из нашего времени. Ну, ты сама понимаешь, что мы, мужики, в этом ни в зуб ногой. Только на тебя вся надежда.

– Ах, вот ты о чем, – задумчиво проговорила Ольга, – идея, конечно, богатая, но не такая уж простая. Дело в том, что уже тогда в Петербурге были торговцы, которые имели свою клиентуру из дам высшего света, и вклиниться в их бизнес будет не так-то просто. Хотя...

– Что – «хотя»? – поинтересовался Шумилин. – Ты нащупала брешь, через которую мы начнем наступление на тамошних модниц?

– Ты говорил, что у князя есть супруга, не старая еще? – спросила Ольга. – Если бы мне с ней переговорить кое о чем, а еще лучше – доставить ее в наше время...

– Ага, – сразу въехал в тему Шумилин, – женщина всегда поймет женщину, даже если их разделяет полтора столетия. Я обещаю, что с княгиней Одоевской ты познакомишься в самое ближайшее время. Так что там у нас с парфюмом девятнадцатого века? С чего начнем?

Ольга уселась в кресле поудобнее и, задумчиво почесывая подбородок, начала посвящать Александра во все тонкости тогдашней женской моды.

– В первой половине XIX века, куда нам предстоит просунуть свой любопытный нос, у представительниц прекрасного пола наибольший интерес вызывали парфюмы, созданные на основе цветочных запахов с примесью амбры и мускуса. Не менее популярным было и розовое масло. Запах пачулей к тому времени стал уже приедаться.

Очень популярны были духи. Но помимо них для создания в помещениях приятного запаха жгли курительные свечи из ладана, стираксы, амбры, мускуса. Благовонные курительные порошки продавались в парфюмерных лавках под пышными названиями типа «Венский» или «Французский королевский». Чаще всего они состояли из смеси высушенных розовых лепестков, стираксы, фиалки, гвоздики. Также использовали и жидкие смеси – благовонные уксусы.

Популярными были «лимонный», «бергамотовый», «розовый» и «лавандовый». Уксус капали на специальную курительницу с металлической пластиной, которая подогревалась свечкой. Ну, что-то вроде нынешних аромаламп. Или этот душистый уксус просто брызгали на угли камина.

Нюхательные соли тоже часто использовали как ароматизаторы. Их составляли из равных частей нашатыря и душистых масел. Оставались еще в моде и саше – сухие благовонные смеси для ароматизации белья, шкафов и карет. Саше делали в виде шелковых подушечек.

Кстати, имейте в виду, что тогдашние мужчины не отставали от женщин и тоже всюю пользовались услугами парфюмеров, – Ольга хитро посмотрела на Шумилина, – по всей Европе гремела слава знаменитой «Воды из Кельна» – Eau de Cologne, или по-русски – «Одеколон». Тогда это было не общее название спиртовых ароматизированных настоек для мужчин, а вполне конкретная туалетная вода, в компоненты которой входили бергамот, лимон, грейпфрут и еще некоторые добавки. Изобрел «Воду из Кельна», как ни странно, итальянец – Джованни Мария Фарина. И назвал он ее в честь своей новой родины, Кельна, где уроженец Апеннин основал фирму, существующую до сих пор.

«Одеколон» воспевали Вольтер, Гете, а Наполеон даже в походе носил бутылочку с «Водой из Кельна» за голенищем своего сапога, чтобы всегда благоухать, как майская роза.

После Отечественной войны 1812 года одеколон попал в Россию, где российские парфюмеры добавили к нему три эфирных масла: бергамотное, лимонное и нероли. Новый отечественный парфюм стали называть «Тройным одеколоном». Но к любимому напитку наших бомжей он не имел никакого отношения.

А тогдашний одеколон стоил немало – за один флакончик средний российский чиновник того времени должен был отдать свое полугодовое жалованье. Так что не каждому парфюм будет по карману.

Как я уже говорила, в Петербурге обосновались уже представители нескольких парфюмерных домов Европы, и нам придется побороться за место под солнцем.

– А каким парфюмом пользуется император Николай Первый? – спросил Шумилин. – Я, кстати, встретил его на Дворцовой набережной. Он выгуливал своего пуделя. Импозантный, надо сказать, мужчина.

– Даже так? – удивилась Ольга. – Ну, да ладно, дойдет и до него очередь. А Николай Павлович, насколько мне известно, пользовался духами *Parfum de la Cour*. Но в своих вкусах он был достаточно консервативен, и поэтому угодить ему будет нелегко...

– Хорошо, Ольга, давай подумай над тем, что я тебе сказал. Голова у тебя светлая, думаю, еще чего придумаешь. Про то, что надо держать язык за зубами, я тебя предупреждать не буду. Ну, и завтра с утра жду тебя у Антона. Увидишь наших предков, так сказать, живьем...

– Саша, если я до завтра не умру от любопытства и нетерпения, то обязательно буду, – сказала Ольга, провожая своего гостя до выхода. – Ну, а про то, что надо молчать, мог бы и не напоминать – не маленькая, чай...

Давайте дружить семьями

В урочный час в квартире Антона снова собрались все причастные к тайне. Тут был Виктор Сергеев, Шумилин и Ольга Румянцева, которая, промучившись от нетерпения и любопытства всю ночь, чуть свет примчалась к Антону на Гагаринскую. Ну и, конечно, Антон, который в данный момент колдовал над своим детищем.

Все шло как обычно. Жужжание, гудение, в центре комнаты появился светящийся изумрудно-голубой круг, в котором все увидели кусочек Летнего сада и две фигуры. Странно, ведь князь должен был явиться на встречу один. Но присмотревшись, они увидели, что за Одоевским стоит испуганно прижавшаяся к нему приятной наружности темноволосая женщина средних лет.

Шумилин понял, что князь решил взять с собой в будущее супругу. Что ж, это просто замечательно. Вон, и Ольга Румянцева сделала стойку, увидев даму из столь любимой ею эпохи.

– Доброе утро, Владимир Федорович, доброе утро, Ольга Степановна, – сказал Антон, приветствуя гостей из прошлого, – мы рады видеть вас.

Князь по-свойски поздоровался со всеми и галантно расшаркался перед польщенной Ольгой, которая впервые видела перед собой настоящего, живого князя, а не доморощенных «месье Журденов», выдающих себя за потомков знатных дворянских родов.

Потом Одоевский представил хозяевам супругу, чувствовавшую себя явно не в своей тарелке. Княгине было все удивительно и чуждо: и одежда людей XXI века, и их несколько свободные – порой даже слишком свободные – манеры общения, и комната, заставленная необычной и странной мебелью.

Удивила ее и женщина, оказавшаяся ее тезкой. Та была одета в легкое платье, с точки зрения Ольги Степановны – слишком откровенное, открывавшее не только ступню, но и (о, ужас!) ногу до самого колена. Княгиня даже немного покраснела, но женщина из будущего, казалось, даже не замечала того, что выглядит неприлично. И, что самое удивительное, на это не обращали никакого внимания и присутствующие в комнате мужчины.

– Владимир Федорович, – сказал Антон, – если вы не против, то пусть Ольга Валерьевна побудет с вашей супругой. А то наши чисто мужские разговоры вряд ли будут им интересны. Женщины же всегда найдут общий язык.

Одоевский кивнул, и Ольга Румянцева, улыбнувшись, пригласила княгиню в соседнюю комнату. Та, робко посмотрев на мужа, покинула мужскую компанию, поддерживаемая под локоток новой знакомой.

Когда дверь за дамами закрылась, Шумилин обратился к Одоевскому:

– Владимир Федорович, мы провели в течение минувших суток своего рода военный совет и решили для начала отправить на постоянное жительство в ваше время уважаемого Виктора Ивановича. Он хочет обосноваться в Петербурге, чтобы подготовить плацдарм для перехода туда всех нас. Дело это сложное, но другого выхода мы не видим. Вы не могли бы ему помочь?

Одоевский, внимательно слушавший Шумилина, согласно кивнул.

– Господа, я готов оказать вам всю возможную помощь, зная, что ваша деятельность будет полезна нашему Отечеству. Вы только скажите – чем я могу вам помочь?

– Владимир Федорович, – сказал Сергеев, – мне нужна легализация в вашем времени. И возможность работать, создавать новые образцы вооружений, которые могли бы усилить русскую армию. По роду службы я имел дело с достаточно сложной техникой, так что с той, которая есть в вашем времени, легко смогу разобраться.

О более конкретных предложениях мы поговорим позже, а пока я хочу попросить разрешения немного пожить у вас – скажем, в качестве вашего дальнего родственника, приехавшего в столицу из провинции.

– Что ж, Виктор Иванович, – ответил князь, – я почти за честь оказать вам гостеприимство. Ну, а о прочих вещах, как вы правильно изволили заметить, мы поговорим чуть позже.

– Вот и отлично, – сказал Шумилин, – пусть наш друг побудет у вас, посмотрит на вашу жизнь, заведет нужные знакомства. Надо только будет попросить Ольгу подобрать для Виктора соответствующий костюм. А вот, кстати, и она!

В комнату вошла Ольга Румянцева вместе с княгиней, которая, кажется, уже немного освоилась и перестала дичиться.

– Антон, ты не мог бы отвезти меня домой? Дело в том, что Ольга Степановна хочет посмотреть на наш Петербург. Сам понимаешь, что в одежде девятнадцатого века на улице она будет выглядеть несколько экстравагантно. Я прикинула, что у меня найдется платье, соответствующее размерам нашей гостьи. Надо все быстренько привезти сюда.

– Хорошо, – сказал Антон, – но ты, в свою очередь, поищи что-нибудь из одежды для Иваныча. Он вместе с князем отправится в прошлое, и его надо экипировать по моде того времени.

– Найдем, – коротко ответила Ольга, – вряд ли я успею что-то сшить для него. Но можно будет кое-что одолжить на время в костюмерной «Ленфильма». У меня там есть знакомые.

– Вот и отлично, – подвел черту Шумилин. – Тоха, давай, одна нога здесь – другая там. Не заставляй нашу гостью долго ждать.

Когда Ольга, Сергеев и Антон ушли, Александр, чтобы как-то развлечь гостей, предложил послушать музыку. У хозяина была неплохая подборка CD-дисков с современной и классической музыкой. Порывшись, Шумилин нашел диск с фрагментами музыки из балета «Щелкунчик» Чайковского. Вставив сидюк в дисковод музыкального центра, он поднял руку, словно предупреждая гостей из прошлого о том, что надо быть готовыми к чему-то удивительному и прекрасному.

Зазвучала музыка, наполнившая чудесным образом всю комнату. Она поначалу удивила и даже немного напугала супругов. Одоевские дружно завертели головами, словно пытаясь обнаружить – где в такой небольшой комнате их новые знакомые ухитрились спрятать целый симфонический оркестр. Но понемногу они погрузились в очаровательную музыку великого композитора. Особенно впечатлил их «Вальс цветов» и Па-де-де.

– Боже мой! – воскликнул восхищенный Одоевский, когда замолкли последние аккорды. – Откуда это чудо? Кто сочинил эту прекрасную музыку?

– Он родился несколько недель назад в Камско-Воткинском заводе, в семье горного инженера, подполковника Ильи Петровича Чайковского, – ответил Шумилин. – Позднее закончит в Петербурге Императорское училище правоведения. Но всему миру он будет известен как великий композитор.

Кстати, Владимир Федорович, в нашей истории именно вы многое сделаете для того, чтобы молодой начинающий музыкант сумел стать тем, кем он стал. Зовут его Петр Ильич Чайковский. А музыку, которую вы только что слушали, он написал для балета «Щелкунчик». Вы, наверное, читали сказку Эрнеста Теодора Амадея Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король»?

Князь и княгиня кивнули. А Шумилин продолжал:

– Наша матушка Русь всегда была богата великими людьми. Но, к сожалению, они часто уходят из жизни в расцвете сил и таланта. Вот и Петр Ильич Чайковский умер в Петербурге в ноябре тысяча восемьсот девяносто третьего года от холеры. И было ему тогда всего пятьдесят три года.

– Да, это судьба, – печально сказал Одоевский, – к сожалению, вы правы. Александр Павлович, вы не могли бы еще раз дать мне послушать эту чудесную музыку?

Но тут вернулись Ольга, Виктор и Антон, нагруженные сумками с одеждой. Княгиня сразу же ушла вместе с Ольгой Румянцевой в соседнюю комнату примеривать привезенный для нее наряд. А мужчины стали прикидывать – чем им заняться сегодня. Одоевский попросил показать ему метро, о котором так много слышал, но пока еще ни разу не видел, а также сводить его в Музей артиллерии, чтобы посмотреть своими глазами на образцы военной техники, появившейся в XX веке.

Сопровождать Одоевского решил Виктор, который хотел поближе познакомиться с князем. Минут через пятнадцать в комнату вошли дамы. Князь, увидев свою супругу, не мог удержаться от восхищения. Ольга Степановна выглядела настоящей красавицей. Наша «кузина-белошвейка» нарядила ее в ярко-синее приталенное платье, довольно длинное для моды XXI века, но слишком откровенное для сороковых годов XIX века. Ольга с помощью умеренного макияжа сделала и без того симпатичное лицо княгини просто очаровательным. На голове лихо сидела пестрая панاما, подчеркивающая смуглость лица гостьи из прошлого.

Антон, старый сердцеед и бабник, закатил глаза кверху и «заводил жалом» при виде супруги князя. Но вовремя спохватившись, не стал перед ней «звенеть шпорами» и заговорил о чем-то с Виктором.

Ольга Румянцева с гордостью посмотрела на окружающих – мол, полюбуйте на дело рук моих. Все оценили и впечатлились. Одоевский, вдоволь налюбовавшись на супругу, отпустил ее вместе с Ольгой на прогулку. А сам пошел переодеваться, чтобы отправиться в очередной вояж по городу вместе с Виктором Сергеевым.

Княжеский круиз

Выйдя из дома на Гагаринской, женщины направились в сторону Пантелеймоновской церкви. Поначалу княгиня очень стеснялась своего внешнего вида. Ей казалось, что все прохожие смотрят на нее и на ее ноги, которые были до неприличия открыты.

Но минут через десять она убедилась, что ее наряд не вызывает у встречных мужчин никакого интереса. К тому же навстречу попадались дамы, одетые, с ее точки зрения, ну уж совершенно непристойно. Одна из них, девица лет двадцати, шла, весело разговаривая, как показалось княгине, сама с собой. При этом она прижимала к уху какую-то блестящую пластинку. На девице были надеты коротенькие панталоны (такие в ее мире дамы носили под нижней юбкой) и рубашечка, открывающая половину живота. К тому же та была без шляпки, а длинные волосы спадали с ее плеч, словно она готовилась расчесаться перед сном.

– Ольга Валерьевна, – жалобно спросила княгиня у своей спутницы, – что же это такое? Кто разрешил ей выйти в таком виде на улицу? У нее что, нет родителей? И почему эта юная мадемуазель все время разговаривает сама с собой. Может быть, она тронулась умом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.